

Подземелье призраков Аккермана

Автор:

Ирина Лобусова

Подземелье призраков Аккермана

Ирина Игоревна Лобусова

Ретророман

...Кажется, о своем криминальном прошлом Таня может окончательно забыть – она собирается замуж за Володю. Он тоже горячо любит ее, и вместе они строят планы совместной счастливой жизни. Но неожиданно Володя идет на назначенную ему встречу и исчезает. Таня в отчаянии. Разыскивая любимого, она находит... своего отца и узнает страшную правду Аккерманской крепости. Реальность столь ужасна, что в нее невозможно поверить...

Ирина Лобусова

Подземелье призраков Аккермана

Глава 1

Одесса, 1919 год

Ночная Дерibasовская. Странная записка. Разговор с редактором. Первое убийство

Ярко освещенные окна редакции бросали отблеск на булыжники Дерибасовской, словно отполированные прошедшим дождем. Стоя напротив бывшей гостиницы – красивого старинного дома, где теперь располагалась редакция «Одесских новостей», Володя Сосновский поймал себя на мысли о том, что не может отвести глаз от этих гладких булыжников, от луж, от дома, от всей улицы, впитывая это в себя так, как гурманы потягивают драгоценный напиток, смакуя каждую каплю.

Ночная Дерибасовская была прекрасна. Как артерия, перекачивающая тонны крови, она билась в такт многочисленным, быстрым пульсам южного портового города, который, казалось, никогда не спал. И несмотря на поздний час, здесь было множество гуляющих. Как на самой настоящей демонстрации, – подумалось Володе.

Он вдруг поймал себя на мысли о том, что Дерибасовская – это артерия и его жизни. Эта неповторимая улица как вирус проникла в его кровь и осталась в ней навсегда – став, впрочем, как и вся Одесса, неотъемлемой его частью. Этот город полностью захватил его мысли, его душу и пророс в его личную историю своими корнями. Володя даже усмехнулся про себя: похоже, он полюбил Одессу так же остро, сладостно и страстно, как влюбляются в женщину.

В эту теплую южную ночь самого начала мая Сосновский случайно оказался на залитой только что прошедшим дождем Дерибасовской. Несколько дней назад большевики с шумом отпраздновали новый праздник 1 мая. По всей улице шли колонны с яркими транспарантами и красными флагами, и из окрестных домов выходили уже привычные ко всему одесситы, чтобы «за это посмотреть». Володя скептически относился к подобным торжествам. Но жизненный опыт уже научил его держать мысли при себе. А потому он бодро, держа ярко разукрашенный транспарант, шагал в одной из колонн рядом с Антоном Краснопёровым, своим главным редактором.

Наблюдая за собой словно со стороны, Володя фиксировал беспощадным внутренним взором всю нелепость происходящего. Он казался себе смешным – но, конечно, не подавал и виду, помня о своем будущем. Опыт газетного репортера, работавшего в самые трудные годы, заставлял его отмечать каменные лица чекистов, наблюдавших за колонной: достаточно ли радуются, проявляют ли необходимые чувства, не смеется ли кто... Эти чугунные морды немного напрягали, но, в общем, было довольно весело – особенно потом, когда на склонах над морем, за бывшим Николаевским бульваром, переименованным в

Приморский, сотрудники редакции устроили веселый пикник.

Новое название бульвара нравилось Володе намного больше. Он так и сказал изрядно выпившему сладкого бессарабского вина Краснопёрову, добавив, что хотел бы обязательно с ним поговорить.

– Да зайдешь ко мне на днях, делов-то! – пожал плечами жизнерадостный Краснопёров. – Не делай себе беременную голову и не тошни мне на нервы! Подумаешь, за делов! За цей гембель не стоит и простужаться!

Выпив, Краснопёров перешел на родную одесскую речь, чего никогда не позволял себе в стенах редакции. Редактор, так же, как и Володя, прекрасно знал о том, что большевики невзлюбили коренной язык одесситов и повсеместно стараются его искоренять.

Сосновский тяжело вздохнул. Вот уже несколько дней он буквально гонялся за Краснопёровым, которого как главного редактора самой крупной газеты в городе постоянно таскали на разные комитеты, совещания и заседания. Особенно свирепствовали Комитет по цензуре и Ревком, устраивая заседания-проверки по несколько раз на день и заставляя являться на них не только Краснопёрова, но и многих сотрудников редакции.

Дело Володи было безотлагательно важным. Настолько важным, что он больше не мог терпеть. Он едва не утащил Краснопёрова в сторону на том самом пикнике – для срочного обсуждения своего вопроса. Но редактор, с раскрасневшимся лицом и расстегнутым воротничком косоворотки, так лихо горланил новую революционную песню, что Володя сразу погрузился, понимая, что говорить с ним в таком состоянии бесполезно. Красного сладкого вина выпито столько, что Краснопёров все равно ничего не поймет.

Праздник продолжался, и в городе были объявлены трехдневные выходные, что совершенно не касалось сотрудников редакции, так как газета должна была выходить каждый день. А после них Краснопёров снова стал неуловимым ответственным работником, который из всех кабинетов «вышел буквально пять минут назад».

В ту майскую ночь Володя должен был встретиться с одним своим старым знакомым – бывшим газетным журналистом, с которым начинал работать в

одной из первых своих редакций.

Получив от вахтера переданную им записку, Володя даже засомневался: они никогда не были особо близкими друзьями, и было непонятно, зачем этот журналист назначает встречу. В записке, похожей на телеграмму, было написано: «Нужно срочно увидеться. Дело чрезвычайной важности! Тебя заинтересует этот материал. Речь идет о делах секретных. Ты не согласишься, когда услышишь! Я узнал случайно. Должен поделиться с тобой. Может, дашь этому ход. Жду тебя в греческой кофейне на углу Польской и Дерибасовской ровно в 9 вечера. Приходи один». И подпись, довольно неразборчивая, которую Володя сначала не разобрал, но затем, через время раздумий, все-таки узнал.

Записка его удивила. О каких секретных делах может идти речь, если в газете больше не публикуют подобных статей? Все, что печатают в газете, проходит беспощадную проверку Комитета по цензуре. И Володиные очерки из криминальной жизни шерстили не раз. Даже не будучи связанным с газетным миром, легко было понять, что газеты больше не ведут громких разоблачений, не открывают преступных заговоров, не ловят неуловимых бандитов, не раскрывают низкого морального облика власть имущих и не занимаются всем прочим, чем занимались когда-то! Тогда к чему этот секретный тон?

Но прирожденное любопытство заставило Володю все же отправиться в греческую кофейню. Это был чудом не закрытый большевиками уютный подвал, где толстый грек, бывший матрос корабля, варил лучший кофе в городе за совсем небольшую плату. И где собирались фальшивомонетчики и портовые мошенники всех видов и сортов, так как порт был совсем рядом.

За небольшим столиком, на виду, Володя прождал ровно час, выпив две чашки ароматного кофе (последняя была с коньяком). Знакомый не явился. Более того, никто даже не подошел к его столику, никто не оставил никакой записки. Сосновский спросил о нем у толстого грека за стойкой, но оказалось, что тот вообще не знает никакого журналиста, и он, похоже ни разу не заходил в это место.

Наконец, в начале одиннадцатого ночи, уяснив, что попросту теряет время, Володя вышел на улицу и увидел, что прошел дождь. Везде стояли лужи, а булыжники мостовой казались почерневшим стеклом и сверкали так, словно сохраняли эту стеклянную хрупкость. Сосновский пошел по Дерибасовской, наслаждаясь этой ночной прогулкой, с удовольствием вдыхая чистый после

дождя воздух.

Напротив Горсада располагалось здание редакции. И Володя не мог пройти мимо, не бросив на знакомые окна пристального взгляда.

К огромному его удивлению, все окна редакции были ярко освещены. Электрическим пламенем полыхал весь этаж. Володя так и застыл на месте, пораженный этим зрелищем. Около половины одиннадцатого ночи, и вдруг такая иллюминация! Он остановился, внимательно глядя на освещенные окна. Все это показалось ему очень странным.

А потом появилась неожиданная мысль зайти. Как сотрудник редакции Володя мог войти в здание в любое время. Свет в окнах означал, что Краснопёров находится на месте – без главного редактора никто бы не отважился на такое самоуправство. В голове у Сосновского возникла шальная мысль – зайти именно сейчас и наконец-то поговорить с Краснопёровым! Заставить его себя слушать. А если Краснопёров так занят, что свет понадобился во всех окнах редакции, то обязательно его выслушает, хотя бы для того, чтобы поскорее избавиться от него.

Воодушевленный этой свежей (и, с его точки зрения, правильной) мыслью, Володя перебежал дорогу и быстро поднялся по мраморным ступенькам, ведущим к крыльцу. По ночам в здании дежурил другой вахтер, не знавший его в лицо. Он остановил его на входе и даже попытался перегородить путь.

– Владимир Сосновский, сотрудник редакции, – Володя быстро сунул свое удостоверение вахтеру под нос.

Проверив документ, вахтер записал имя в толстой конторской книге и только тогда пропустил вперед. Володя буквально взбежал по широкой мраморной лестнице и стремительно ворвался в ярко освещенную редакционную комнату.

Внутри никого не было. Сосновский пошел дальше по коридору. Из-за двери Краснопёрова были слышны голоса.

Володя остановился, прислушиваясь. Голосов было несколько, все – мужские. Говорили они одновременно, поэтому совершенно нельзя было разобрать слов. Володя различил было визгливый тенорок Краснопёрова, но его быстро

заглушили два других – настоящий бархатный баритон, весьма ласкающий слух, и такой глухой, словно звучал из-под пола. Сосновскому показалось, что голоса звучат на повышенных тонах. Он не знал, что там происходит, но было совершенно ясно, что посетители недовольны Краснопёровым и пришли сюда выяснять отношения. Что ж, это было ему на руку! И, собравшись с духом, Володя коротко, но решительно постучал в закрытую дверь.

Голоса смолкли. За дверью послышалась какая-то возня, после чего она распахнулась, и на пороге возник Краснопёров. Волосы его были взлохмачены, лицо – потное, а глаза бегали из стороны в сторону. При виде Володи Краснопёров так изумился, что растерял все слова и стал хватать ртом воздух. Затем решительно шагнул в коридор и плотно затворил за собой дверь.

– Что ты здесь делаешь?! – Глаза редактора от удивления полезли на лоб.

– Шел мимо, увидел свет в окнах. Вот и зашел – поговорить, – твердо сказал Сосновский. – Ты мне давно обещал!

– Да, обещал, – Краснопёров смутился, – но сейчас неподходящее время. Я очень занят. У меня люди. Сейчас никак нельзя.

– Извини, но мы поговорим сейчас, – отрезал Володя, – больше нельзя тянуть.

Краснопёров хотел было опять возразить, но Сосновский его перебил:

– А если ты сам не можешь, я зайду к твоим людям, извинюсь перед ними и попрошу отпустить тебя на пять минут!

– Но у меня важное дело! – взвился Краснопёров.

– У меня тоже важное, – Володя был настроен решительно.

– Хорошо, подожди... – редактор вдруг сник. – Я не сказал нет... Ладно. Попытаюсь. Жди здесь.

И быстро прошмыгнул обратно в комнату, снова захлопнув дверь прямо перед носом Сосновского. Прошло минут десять. Володя не собирался никуда уходить.

Он уже думал постучать снова, как дверь отворилась и снова появился Краснопёров. Лицо его было мрачнее тучи.

– Идем в общую комнату, – заявил он, – скажешь мне то, что хотел сказать. Но учти: у тебя пять минут. Больше меня ждать не будут.

– Этого вполне достаточно! – бодро ответил Володя, следуя за Краснопёровым в ярко освещенную комнату общего помещения редакции.

– Ну, что там у тебя стряслось? – Редактор смерил его раздраженным взглядом.

– Мне нужен срочный отпуск на несколько дней, – сказал Володя, и добавил: – Я женюсь.

– Ну молодец, поздравляю! – Краснопёров как будто расслабился, что показалось Володе очень странным, а затем вдруг спохватился: – Какой, к черту, тебе отпуск?!

– По случаю свадьбы, – Володя смущенно кашлянул, – отпуск на пару дней.

– Ты шутишь?! – Краснопёров повысил голос. – У меня в каждом номере запара, людей не хватает! Такие события в городе происходят! Война под Одессой! Посевная, вон, идет, а ты – отпуск! Ни за что, даже не проси! Ты меня без ножа режешь! Ни за что не дам!

– Как же так... – растерялся Володя, – ведь это такое событие... Медовый месяц...

– Это раньше был медовый месяц, – прищурился Краснопёров, – а сейчас его отменили как буржуйские предрассудки. Жениться женись. А отпуск не дам. Потом отгуляешь.

Володя насупился. У него уже готово было сорваться резкое слово, как вдруг Краснопёров смягчился.

– Ну, ладно... Денька три могу дать. Но никак не больше!

– Спасибо! – выдохнул Володя.

– А ты за это кое-что для меня сделаешь... Я давно уже собирался тебе сказать... – Внезапно Краснопёров смерил его странным взглядом, затем вдруг быстро прошел через всю комнату и тщательно закрыл за собой дверь.

Володя следил за ним во все глаза. Краснопёров на этом не остановился. Он так же тщательно запер все окна, а затем потушил верхний свет и зажег настольную лампу на ближайшем столе. Лампа светила тускло, отбрасывая рваные, мрачные тени на мебель. Подойдя к Володе совсем близко, редактор понизил голос до трагического шепота:

– Есть тут одно дело... Очень неприятное, но важное... Расследуешь для меня одну историю. Страшную историю, надо сказать.

– Что за история? – удивился Володя.

– Да тише ты, что орешь! – Краснопёров так возмутился, что даже замахал на него руками. – Тайна это! Понимаешь? Тайна! Военная даже... Можно так сказать.

Ожидая продолжения, Володя смотрел на него во все глаза. Он почувствовал, что история, которую собирается рассказать ему Краснопёров, как-то связана с теми людьми, что сейчас находятся в его кабинете, и во всей этой истории явно нет ничего хорошего. А значит, снова будут загадки, интриги, погони, стрельба, кровь... У Володи тоскливо засосало под ложечкой. Когда же все это закончится? Когда же он сможет жить тихо, спокойно, наслаждаясь творчеством и любимой женщиной? Почему судьбе угодно снова втянуть его в какую-то отвратительную историю?

Лицо Краснопёрова стало невероятно взволнованным, даже испуганным, и он неожиданно показался Володе жалким. Он вдруг искренне пожалел его, этого человека, на плечи которого свалился явно непосильный груз, придавливающий его к земле, и Краснопёров понятия не имеет, что с ним делать, в то время как для него, Володи, это может стать стимулом для нового витка творчества. В конце концов он давно привык к беспокойной жизни.

Сосновский решил в одну секунду. Жажда приключений, охотничий азарт – всё это промелькнуло в его голове. И, пристально вглядываясь в глаза

Краснопёрова, он произнес:

– Рассказывай, что там за военная тайна.

– Не сейчас... – Краснопёров как будто съежился на глазах, – разговор будет не простой... Для него нужно время. Предупреждаю сразу: ничего хорошего ты не услышишь.

– Я уже понял, – Володя пожал плечами.

– История сложная, неприятная... – Краснопёров тяжело вздохнул, – я сам узнал случайно... И с первого раза не поверил... Никогда не думал, что до такого можно прийти! Это просто ужасно.

– Намекни хоть, о чем! – любопытство Володи зашкаливало.

– Я расскажу тебе все подробно... Но не сейчас. Скажи, ты занят сегодня ночью? Ты можешь часик где-то погулять, а затем вернуться сюда? К тому времени я их выпровожу, и мы сможем поговорить спокойно, – Краснопёров с надеждой смотрел на Володю. – Это долго рассказывать. И доказательства всего этого ужаса у меня существуют. Так как, сможешь?

– Смогу, конечно, – Володе уже самому стало интересно настолько, что он решил не отступать, – я приду, обязательно. Но ты все-таки намекни, о чем пойдет разговор, о чем история.

– О призраках, – Краснопёров вперил в Володю тяжелый и будто бы испуганный взгляд. – Это история о призраках.

– О призраках? – Володя нахмурился. – Ты имеешь в виду этого афериста – гипнотизера Орлова, бывшего политзаключенного из Тюремного замка на Люстдорфской дороге? Опять Призрак? Он нагадил здесь достаточно и снова появился в городе?

– Нет-нет! – Краснопёров даже замахал руками, так рьяно он отрицал Володины слова. – Это здесь совсем ни при чем! Совсем, совсем другое!

– Не понимаю... – Володя пытался понять, но не мог, странное поведение Краснопёрова сбивало его с толку. – Что же тогда? Кто они, эти призраки?

– Это подземные призраки Аккермана... – еле слышно прошептал Краснопёров. Лицо его при этом исказилось каким-то первобытным ужасом, настолько сильным, что от этого зрелища у Володи даже перехватило дыхание.

– Сейчас уходи, – Краснопёров направился к двери, и, когда ее открывал, Сосновский заметил, что руки его дрожат, – уходи как можно быстрее! Ни слова больше.

Последним, что видел Володя, выходя из помещения редакции, было белое, искаженное ужасом лицо Краснопёрова. Что бы это ни было, оно чрезвычайно напугало его. А значит, все это очень серьезно.

На улице снова пошел дождь. Володя стоял под аркой входа, раздумывая, куда податься на час, и глядя, как текут по гладким булыжникам мостовой бесконечные дождевые ручьи. Затем, запахнув поплотнее плащ, он шагнул в дождь, который сразу обжег его резкостью холодных струй.

На Греческой был еще открыт небольшой пивной бар, и Володя зашел туда, чтобы немного согреться и переждать положенное время. Внутри было душно, накурено, и толпилось довольно много людей. Шум висел плотным грозовым облаком. Взяв кружку с пивом, Володя присел к самому дальнему столику под стеной. Никто не обращал на него никакого внимания.

– Наше вас здрасьте с кисточкой! – раздался вдруг знакомый голос, и Володя узнал Мейера Зайдера, адъютанта Японца по кличке Майорчик. Странно было видеть его в таком месте.

– Шоб мои глаза выкишнулись, но шоб я был за себе здоров, если б за тебя не видел, как ты по ночам на работу шастаешь! – бодро затараторил Майорчик. – До редакции своей пошто заходил?

И, поймав удивленный Володин взгляд, добавил:

– Люди мои сегодня ночью до редакции твоей смотрят. Так вот, хочу предупредить: не делай себе гембель за чужие кости! Зубы до юшки сотрешь, а гланды все равно простудишь! Не хипишись! – и, махнув на прощание ручкой, растворился в толпе.

Встревоженный предупреждением Майорчика, из которого он ничего не понял, Володя растерялся настолько, что не успел ничего спросить. Оставалось ждать, думая о том, что происходит и почему в эту ночь редакция с освещенными окнами вызвала у людей Японца такой повышенный интерес.

Майорчик открытым текстом сказал о том, чтобы Володя куда-то не лез. Куда? Может, это как-то связано с историей Краснопёрова? Происходящее нравилось Сосновскому все меньше и меньше.

Дождь закончился, но принес с собой холод. Володя зябко ежился, ступая к Дерibasовской по мокрым камням.

Окна в здании были темны, а входная дверь почему-то распахнута. Вахтер спал за своим столом, уронив голову на скрещенные руки. По холлу бывшей гостиницы гулко раздавался его мощный храп.

Володя толкнул дверь редакции – света не было ни в комнатах, ни в коридоре. Он двинулся на ощупь в темноте. Единственная полоска света пробивалась из-под двери кабинета Краснопёрова и выглядела довольно зловеще.

Дверь была не заперта. Володя толкнул ее.

Антон Краснопёров сидел за столом, уронив голову на сомкнутые руки. В первую минуту Сосновскому показалось, что он, как в холле вахтер, спит.

Но потом... На полу под столом было что-то вязкое и багровое. Володя осторожно приблизился, тронул Краснопёрова за плечо. И тот... свалился со стула.

Главный редактор был мертв. Ему перерезали горло – оттуда и натекала под стол такая большая лужа крови, застывающая на глазах. Преодолевая ужас, Володя склонился над трупом. Горло было перерезано от уха до уха. Но самым страшным было то, что убийца вырезал глаза. Вместо них остались ужасающие

багровые впадины, придававшие лицу трупа особо страшное выражение. А во рту Краснопёрова, вонзенный прямо в высунутый язык, торчал острый бронзовый кинжал с резной ручкой, покрытый какими-то странными иероглифами или письменами. Он был похож на ритуальный. Судя по всему, это и было орудие убийства.

В том, что убийца вырезал глаза, а потом пронзил кинжалом язык, был какой-то ужасающий смысл. В этом содержалось явное зашифрованное послание.

Володя прикоснулся к трупу рукой. Тело было еще теплым, а значит, Антона Краснопёрова убили совсем недавно. Сосновскому вдруг показалось, что за ним кто-то наблюдает. Ощущение было настолько сильным, что он обернулся. И принялся пристально осматриваться по сторонам. В комнате, конечно, никого не было. Окно тщательно закрыто – это сделал сам Краснопёров, когда говорил с Володей.

Сосновский поймал себя на мысли, что надо бы вынуть кинжал и тщательней его осмотреть. Но он не мог это сделать. Это было слишком ужасно.

Внезапно послышался какой-то шорох. Володя насторожился, отпрянул от трупа. Шорох раздался явственней – словно по коридору кто-то шел. Замерев, Сосновский стоял над телом Антона Краснопёрова, распростертым на полу, не сводя обезумевших от ужаса глаз с двери.

Дверь в кабинет стала медленно открываться...

Глава 2

Настоящее счастье. Первая любовь Тани. Гибель Алексея. Пожар на складе

Дождь закончился. Отшумел по старому жестяному карнизу дома в Каретном переулке. Таня распахнула окно настежь. Воздух сразу заполнил комнату ароматами свежей зелени, уютным запахом прелой после дождя сырой земли,

чистыми потоками свежести, такими редкими в большом городе, где воздух почти не проникал под крыши стоящих вплотную друг к другу домов.

Облокотившись о подоконник, Таня наслаждалась ночной прохладой. Было так уютно и приятно мечтать, глядя на плоский, позолоченный диск полной луны, выглянувшей из-под рассеявшихся облаков.

Счастье пошло Тане на пользу, придав ей необыкновенную уверенность в себе, от которой большинство мужчин сходят с ума. Как бутон редкого, экзотического цветка, чахнувший в чужой стране без полива и вдруг получивший удобрения и животворящую влагу, Таня расцвела, распустилась во всей своей красоте, и окружающие буквально ахнули, увидев уже не чахлый бутон, а королевский цветок.

Счастье лучилось из ее раскрытых миру глаз, искрилось в волосах, вдруг ставших пышными и блестящими, звучало в ее речи, вновь обретшей ту утонченную благообразность, благодаря которой Тане постоянно приписывали благородное происхождение. Счастье было в ее походке, проявившись в несвойственной ей прежде грациозности. Счастье было в утонченной плавности ее новых движений. Если чахнувшие цветы воскресают от дождя, то душу женщины оживляют ростки любви, сотворившие с душой самое настоящее чудо. И душа Тани расцвела от любви. На нее снизошел теплый, животворящий поток той удивительной уверенности в себе, которую способны подарить только глаза и руки любимого человека. Ничто не способно воскресить душу больше, чем уверенность в том, что ее любят. Душа Тани, очерстевшая, окровавленная, измученная, исцеляла свои многочисленные раны и возрождалась благодаря этому удивительному превращению, которое сотворила с ней уверенность во взаимной любви, чувство, ощущение того, что ее любят.

Вот уже больше месяца (на самом деле 43 дня, Таня считала их по минутам), как она поселилась в квартире Володи в Каретном переулке. Они жили душа в душу. За все это время они не только не поссорились ни разу – они даже научились читать мысли друг друга, не произнося их вслух.

Володя заботился о ней с такой трогательной нежностью, что Таня в буквальном смысле слова была на седьмом небе от счастья! Он приносил ей кофе в постель. Он покупал только ту еду, которую любила она. Он ни разу не позволял ей заняться уборкой или стиркой, наняв для этого женщину, жившую по соседству. Он целовал руки Тани, каждый порез или шрам, не позволяя ей взять что-либо

тяжелее, чем букет цветов.

В осажденном, жившем почти на военном положении, обескровленном городе он умудрялся доставать для Тани настоящие гиацинты, зная, что она без ума от этих цветов. Он целовал ее морщинки под глазами, возникшие от больших разочарований и горьких слез, и говорил, что для него не существует на свете дороже того момента, когда карие глаза Тани, похожие, по его словам, на две черные жемчужины, начинают светиться от счастья.

По вечерам, когда Володя садился за стол, уютно освещенный настольной лампой с матерчатым абажуром, чтобы писать свой новый роман или газетные статьи, Таня тихонько устраивалась на диване в той же комнате, рядом. Володя укутывал ее ноги пледом, чтобы, не дай бог, она не замерзла, и так, глядя на мерцание горящих в камине дров, Таня могла читать или мечтать, сама не веря тому, что на ее душу снизошел покой.

В первое время она не могла поверить в свое счастье и все ждала того малейшего, но жестокого толчка, когда вдруг рухнет этот хрустальный домик, созданный в ее воображении, и ее больно ранит дождь из заостренных осколков. Но дни шли за днями, а толчков не было. И то, что внушало ей тревогу, вдруг, наоборот, стало успокаивать.

Как-то удивительным весенним днем Тане, которая работала по-прежнему на Привозе в лавке вместе с Цилей, захотелось впервые в жизни пораньше уйти домой. Войдя в комнату, она не поверила своим глазам! Вся комната была заставлена розами! Белые, красные, розовые, алые, коралловые, бордовые, даже голубоватые – они стояли на диване, на подоконниках, на столе, на полу, заполняя помещение неповторимым ароматом. Розы были везде. Таня просто ахнула.

Остановившись в растерянности, она замерла посреди этого цветочного моря, не понимая, что это – сон, ставший явью, или признаки близкого безумия, которое подкрадывается именно так. Она даже не услышала скрипа двери и очнулась только в тот момент, когда почувствовала руки Володи на своих плечах.

– Что это? Цветы? – Таня говорила почти шепотом, почти полностью потеряв дар речи.

– Это для тебя, – Володя выглядел серьезным, как никогда, лицо его было строгим, даже суровым, и при виде каменной складки возле его губ у Тани вдруг мучительно заняло сердце.

– Для меня? – Она нахмурилась, старые сердечные раны давали о себе знать. – Ты хочешь так попрощаться со мной?

– Хочу, – Володя кивнул, – я хочу попрощаться с тобой – Королевой Молдаванки. Я хочу попрощаться с тобой – Королевой Привоза. Я хочу попрощаться с Таней Алмазной и сделать так, чтобы на свет появилась новая ты.

– Что это значит? – смертельно побледнела Таня, чувствуя, что вся кровь отхлынула от ее сердца и от лица.

– Я прошу тебя стать моей женой. Я прошу тебя выйти за меня замуж. Я предлагаю тебе свою руку и сердце, и я буду счастлив, если ты их примешь.

У Тани потемнело в глазах, и, чтобы не упасть, она облокотилась о стол.

– Мне? Ты хочешь жениться на мне? – Голос ее дрожал. – Но я... Я простая девушка... Я совсем не знаю своих родителей... А ты – князь Сосновский!

– Князей больше нет, – Володя покачал головой, – я родился князем, а стал тем, кем стал. И я прошу тебя стать женой Владимира Сосновского – репортера, писателя и того самого авантюриста, искателя приключений, которого ты хорошо знаешь.

– Верно подмечено! – Таня засмеялась, у нее немного отлегло от сердца. – Я знаю тебя. Но ты ничего не знаешь обо мне. Я сама о себе этого не знаю. Например, я до сих пор не знаю, кто я, откуда я родом, кто мои родители... Я бы очень хотела это узнать!

– Я хочу жениться на тебе, а не на твоих родителях, – сказал Володя, – мне все равно, кто они. Есть ты, и я люблю тебя.

– А я бы хотела узнать, кто они были... Я в последнее время все больше и больше думаю об этом... – задумчиво ответила Таня. – Я догадываюсь, что бабушка меня

где-то нашла, что она не была мне родной. Я бы очень хотела найти кого-нибудь из своей настоящей семьи.

– Если ты этого хочешь, мы найдем их вместе, – сказал Володя, – я помогу тебе во всем. И мне все равно, кто они были. У них родилась самая лучшая дочь на свете. Но ты мне не ответила!

– Что не ответила? – не поняла Таня.

– Ты выйдешь за меня? Ты станешь моей женой?

– Да! – В это короткое слово Таня умудрилась вложить всё счастье на свете. – Да! Да! Да...

Было решено, что поженятся они, как только в редакции Володе дадут небольшой отпуск. И уедут к морю на несколько дней. Церемонию планировали только гражданскую – давным-давно разуверившись в Боге, Таня не хотела венчаться в церкви. Да и Володе, сотруднику центральной большевистской газеты, это было не к лицу. Решено было пригласить на свадьбу самых близких – Иду с Цилей, профессора из анатомического театра, супружескую пару журналистов с Госпитальной, спрятавших Цилю во время еврейского погрома, одного приятеля Сосновского из газеты, да, возможно, редактора Краснопёрова, с которым Володя все больше и больше поддерживал дружеские отношения.

Таня даже не верила, что приближается ее свадьба. Ей было как-то странно об этом думать. Она, бывшая воровка, выходит замуж! Таня с радостью поняла, что совершенно отошла от криминального мира и очень давно не видела никого из своих. Впрочем, ее никто и не искал. Криминал Одессы штормило так сильно, что оказались оборванными все старые связи, а новые обрывались сразу, как только возникали.

В тот майский вечер Таня ждала Володю, который ушел по делам. Он показал ей странную записку и рассказал про встречу в греческой кофейне, и Таня сказала ему, что обязательно нужно идти. Мало ли какие неожиданности могут подстерегать в городе? Лучше знать обо всем.

Без Володи вечер стал тоскливым. И, когда дождь прошел, Таня открыла окно, чтобы погрузиться в свои мысли. Но мысли ее были не о будущем – о прошлом.

Ожидание свадьбы вызвало в ее сердце целый ворох уже забытых чувств!

Однажды она уже готовилась к свадьбе... Почему-то именно в этот вечер душу Тани заполнили воспоминания о ее первой любви – огромной тайне, которую она носила в себе все эти годы. Первая любовь облагородила ее душу и стала тем защитным щитом, который сумел оградить ее от суровой жизни и не дал повторить судьбу уличных девушек с Дерибасовской.

Именно благодаря воспоминаниям о своей первой любви Таня выстояла в эти страшные годы. Но теперь настало время отпустить прошлое и идти дальше. Глядя в окно на ночной город, в тишине и темноте этой дождливой ночи Таня навсегда прощалась со своим прошлым.

* * *

Одесса, 1914 год

В женской гимназии мадам Дюпре, в роскошном каменном особняке на Конной улице, за внешними проявлениями дисциплины следили особенно строго. Но, почти с детства усвоив эту необходимость досконального соблюдения только внешних приличий, в жизни воспитанницы позволяли себе такую свободу, о которой их строгие наставницы не могли и помыслить!

Так к 16 годам большинство из них уже имели по несколько серьезных свиданий с мальчиками из мужских гимназий, кадетского корпуса или военного морского лицея. А некоторые (подробности передавались шепотом буквально каждую ночь) даже целовались!

Уютно устроившись в дортуаре с модным французским романом, купленным из-под полы в складчину на всю их женскую группу, Таня Алмазова вполуха слушала подробности, которые ее игривая подружка Ада высыпала на разинувших рты от зависти, менее везучих подруг. В этот раз предметом воздыхания Ады был молоденький кадет, с которым она познакомилась в Городском саду на прошлые выходные. Так же, как и большинство воспитанниц гимназии, Ада и Таня находились на полупансионе, то есть проводили в пансионе при гимназии пять суток, а с вечера пятницы до вечера воскресенья уходили домой.

Таня очень ждала вечера пятницы, так как за пять дней успевала страшно соскучиться по бабушке. И, тоскуя за ней, просто не понимала, как можно тратить драгоценные часы жизни рядом с родным человеком на такую ерунду, как флирт с глупым мальчишкой! Таня все порывалась уговорить бабушку забрать ее из пансиона, но бабушка была непреклонна.

– Находясь в пансионе, ты сможешь более качественно готовить домашние задания под присмотром классных наставниц, – говорила она, – я хочу, чтобы ты получила хорошее образование, Таточка. Хорошее образование – правильный залог твоего успеха в жизни и в обществе.

И Таня не подвела бабушку. Она считалась одной из самых лучших учениц в своем классе, блестяще успевая даже по таким жутким предметам, как латынь, церковнославянский и древнегреческий.

В гимназии мадам Дюпре был избранный контингент. Здесь занимались дочери разбогатевших купцов, знатных дворянских семей и самых известных гласных Городской думы. У мадам Дюпре никто даже не догадывался о том, что бабушка Тани, Наталья Алмазова, – простая швея, модистка, пусть даже высокооплачиваемая.

При устройстве Тани в гимназию бабушка заявила, что является представительницей древнейшей дворянской фамилии и что родители Тани умерли от болезни. Что от отца Тани, своего сына, она унаследовала крупное мануфактурное дело, которым и занимается самостоятельно. И что компаньоном ее по мануфактурному промыслу является известный в городе купец Аристид Сарзаки.

Высокую плату бабушка вносила вовремя, манеры и внешний вид ее были безупречны, имя купца Сарзаки говорило само за себя – никто в такой безалаберной Одессе и не стал разбираться в происхождении Тани, поверив на слово. На самом деле бабушка работала на купца Сарзаки по найму, руководя швейной мастерской и подрабатывая левыми заказами, помогая также ему заниматься нелегальными закупками контрабандных товаров. А детей у нее никогда не было...

Ежегодный бал в честь совета попечителей городских гимназий выпал на вечер последней пятницы мая, к огромному неудовольствию Тани. Только закончились

выпускные экзамены (она сдала их на отлично), и девушки получили возможность навсегда вернуться домой. Таня уже собрала вещи, когда в гимназии напомнили о бале и обязали быть на нем всех выпускниц этого года. И, скрепя сердце, она была вынуждена остаться.

Бабушка на скорую руку пошила ей бальное платье – волны розового контрабандного шифона и французские кружева. Никогда еще Таня не была такой красивой. В розовом платье она была похожа на конфету в блестящей обертке, и никто, ни мужчины, ни дамы, не могли отвести от нее глаз.

Но Таня, казалось, совершенно не замечала восхищенных взглядов. Подпирая колонну возле стены вместе с другими гимназистками и тоскующей без общества подружкой Адой, Таня стояла с самым кислым выражением лица – она хотела домой. Почему-то она страшно не любила балы. Эта толпа праздных разодетых людей вызывала у нее тоску и злость. Таня не могла объяснить это самой себе, а потому злилась еще больше. И на себя – за странные мысли, и на Аду, которая, презрев приказ начальства, переданный выпускницам, вдруг схватила Таню за руку и потащила в самую гущу событий, в центр бального зала. Тане не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ней.

– Офицер! Какой хорошенький! – взвизгнула Ада, вцепившись в локоть Тани. – Смотри, он не спускает с тебя глаз!

И действительно: молодой светловолосый офицер в парадной морской форме с удивительно ясными голубыми глазами не спускал с Тани восторженных глаз. Он был совсем юным, не старше 20 лет, но в его лице уже читались твердая воля и серьезный мужской характер, делающие еще привлекательнее его и без того миловидное лицо. Когда раздались первые звуки котильона, офицер, смущаясь, пересек бальный зал и подошел к Тане.

– Мадемуазель, позвольте вас пригласить?

– Я не танцую! – отрезала Таня.

– А я танцую! – совсем не по-благородному встряла Ада, позабыв про все хорошие манеры, которым их обучали в гимназии.

Но моряк не обратил никакого внимания на ее выпад и даже не подумал пригласить ее танцевать. Таня вдруг засмушалась, быстро убежала из бального зала и, наняв извозчика, поехала к бабушке, домой.

В начале лета Одессу потрясло важное событие, о котором еще долго говорили жители. За несколько недель до начала Первой мировой войны, 2 июня 1914 года город для смотра войск Одесского военного округа посетил император Николай Второй, вместе со всем своим царским семейством прибыв из Крыма на императорской яхте «Штандарт». Она пришла в одесский порт в половине второго дня и остановилась на рейде.

Уже с самого утра толпы горожан собрались в порту, чтобы поглазеть на императора. Морские офицеры всех судов, стоящих на рейде, были выстроены для военного смотра. Катер доставил Николая Второго с семьей на берег, где их встретили командующий войсками Одесского военного округа В. И. Никитин, губернатор Одессы И. В. Сосновский и городская делегация из высших чиновников, представленная городским головой и всем гласными Городской думы.

Началось прохождение почетного морского караула. Таня пробилась в первые ряды зевак. В тот день с самого раннего утра она пришла к бабушке, которая работала в портовом складе, и заранее заняла хорошее место. Стоять ей пришлось несколько часов под палящим солнцем, но она совершенно не чувствовала усталости.

Когда морские офицеры были построены для парада, Таня вдруг увидела, что в самом первом ряду стоит тот самый молоденький морской офицер, который пытался пригласить ее на танец во время бала. Как и тогда, он не сводил с нее восторженных глаз. Так и пересматривались они долгие часы, пока длились длинные речи. В параде офицер не участвовал.

После официальной церемонии царь с семьей и свитой сел в царский поезд и отправился на вокзал Одесса-Главная. Толпа зевак в порту стала расходиться. Таня даже не заметила, как офицер вдруг оказался рядом с ней, протягивая ей запотевший стакан холодного лимонада, непонятно откуда взявшийся.

– Мадемуазель, позвольте предложить вам лимонад. Вы столько часов простояли на солнце... – Он был смущен, но голос его звучал твердо. Таню совершенно

покорила это сочетание. – Разрешите представиться: Алексей Третьяков, мичман военной канонерки «Донец».

– Татьяна Алмазова, – Таня присела в реверансе, как учили в гимназии. – Вы военный моряк?

– Я только закончил военное морское училище в Петербурге, – ответил молоденький офицер, – и был направлен в Одессу для прохождения судна.

– «Донец» – так называется ваш корабль? – Таня больше не смущалась, внезапно ей стало легко-легко.

– Вон, видите? Темнеет на рейде! Это военное судно. Я расскажу вам... – Офицер по-прежнему не спускал с нее глаз.

Так получилось, что они пошли к выходу из порта вместе и не расставались до вечера. В честь приезда государя императора все морские офицеры получили увольнительную, и у Алексея оказалось много свободного времени. Он решил провести его с Таней.

Они гуляли вдоль бульвара, сидели на скамейке в Городском саду под раскидистыми платанами и говорили, бесконечно долго говорили обо всем.

Алексей Третьяков родился в Санкт-Петербурге и был представителем очень знатного дворянского рода. С самого детства он мечтал о карьере военного моряка – еще совсем маленьким играл кораблями в родительской ванной, устраивая настоящие морские сражения. И когда подрос, родители совершенно не возражали против его выбора. Алексей стал сначала гардемарин, затем – настоящим морским офицером. И так попал в Одессу.

Он был чуткий, внимательный, нежный, с тонкой, ранимой душой, но в то же время – серьезный и рассудительный не по годам. К Тане Алексей отнесся с такой заботой и восхищением, что почти сразу же покорила ее сердце. И в конце этой бесконечной прогулки она по уши влюбилась в этого красивого офицера, забыв обо всем на свете.

Одесса, между тем, вовсю обсуждала приезд царя. Прибыв на вокзал в половине четвертого дня, император с семьей вышел на перрон, где его встречала многотысячная толпа и различные городские делегации. После этого посетил военный лагерь на 7-й станции Большого Фонтана. К вечеру царская семья вернулась в порт, и катер отвез ее на яхту «Штандарт». В 8 вечера там был дан торжественный ужин для командиров частей, принимавших участие в смотре, начальника одесского порта, губернатора, городского головы и других важных сановников города. На следующее утро в 10 часов от «Штандарта» отчалил катер, и высадил царское семейство в порту, откуда император снова отправился на вокзал. Царский поезд отошел от перрона Одесса-Главная в 11 часов вечера 3 июня 1914 года, увозя императора и его семью в Кишинев. Об этом визите еще долго говорили в Одессе, предполагая, что военный смотр мог означать одно: приближается война...

А молодые люди между тем продолжали встречаться. Алексей пригласил Таню в Оперный театр. Она надела то самое бальное платье, в котором он увидел ее в первый раз. Это был удивительный вечер! Таня была на седьмом небе от счастья. Ее первая любовь была такой прекрасной, как только можно было вообразить. После театра Третьяков проводил Таню домой.

Бабушки не было – в ту ночь она дежурила на складе. Таня пригласила его зайти... Алексей стал ее первым мужчиной, и она влюбилась еще больше. На следующий вечер он очень торжественно, с двумя огромными букетами ярких роз (для бабушки и для Тани) подъехал к их дому. И попросил у бабушки руки Тани, сделав самое что ни на есть официальное предложение. Таня расплакалась от счастья. Она ответила согласием, но спросила о его семье. Алексей не сомневался, что семья не будет возражать.

Бабушка завела Алексея в свою комнату и что-то говорила ему при закрытой двери – что, Таня даже не знала. А когда он вышел из комнаты, то преподнес Тане в честь помолвки кольцо с огромным бриллиантом...

Было решено, что поженятся они 1 декабря 1914 года. После этого Алексей возьмет отпуск, и они отправятся в Санкт-Петербург навестить его семью. Венчаться решили в Преображенском соборе. Подвенечное платье Тане сшила бабушка. Надев его, она долго рассматривала себя в зеркале. И честно сама себе призналась, что никогда в жизни не видела ничего прекрасней.

Это было удивительное лето ее любви! Самое счастливое в Таниной жизни. С каждым месяцем она узнавала Алексея все больше и больше и еще сильнее влюблялась в него. Она любила своего жениха с такой самозабвенной страстью, что даже сама пугалась своих чувств. И Алексей отвечал ей полной взаимностью. С каждым днем их любовь становилась все сильнее и светлей.

Уже несколько месяцев шла Первая мировая война, но Одесса до октября 1914 года оставалась в стороне от военных действий.

В ночь на 29 октября 1914 года сигнальщики наблюдательного поста Большой Фонтан заметили в море сквозь мглу неясный огонь, который долгое время держался на одном месте. Старший поста тут же сообщил в порт о странном явлении. Ему ответили, что ничего страшного: из порта только что вышли два корабля с территории судостроительного завода РОПИТ. Возможно, их огни и были замечены на Большом Фонтане. Удовлетворенный этим объяснением, старшина поста ничего не сообщил в порт.

Около 3 часов ночи из-за Воронцовского маяка показались очертания двух кораблей, которые шли по направлению к порту почти со всеми потушенными огнями. Исключение составляли горящие ходовые огни – слишком тусклые для того, чтобы можно было определить принадлежность судов.

Ночь была туманной и холодной. Разглядеть, что за корабли, в таких погодных условиях не мог никто. А потому их появление ни у кого не вызвало тревоги.

Все выяснилось в тот момент, когда неизвестные суда поравнялись с канонерской лодкой «Донец», стоящей в акватории порта. Поскольку никаких сообщений не было, на канонерке никто не подозревал об опасности. Даже в тот самый момент, когда неизвестные корабли, оказавшиеся турецкими миноносцами, открыли огонь...

Один из миноносцев, «Гайрет», выпустил в носовую часть «Донца» торпеду, которая пробила корабль. Разорвав обивку, торпеда взорвалась в котельном отделении, и «Донец» стал быстро погружаться под воду. Большая часть команды погибла от взрыва котла. А оставшихся расстреляли с турецкого судна. Экипаж «Донца» погиб полностью.

Из порта для его спасения были направлены шлюпки, но они подошли поздно, и спасти никого не удалось. Экипаж «Донца», все военные моряки, погибли до единого человека и оказались погребены под толщей морских волн вместе со своим кораблем. Среди тех, кто погиб на «Донце», был и молодой офицер Алексей Третьяков...

Между тем оба миноносца прошли дальше, в Нефтяную гавань, и принялись обстреливать корабли, стоящие в порту, и портовые сооружения, находящиеся близко к берегу, – большие торговые склады.

После этого, за Военным молотом, корабли начали обстреливать защитные сооружения Военной гавани.

Воспользовавшись страшным переполохом, царившим в одесском порту, и потопив несколько барж с углем, оба миноносца развернулись и стали беспрепятственно выходить в открытое море. Около четырех часов утра они скрылись во мгле.

Потери были страшные – гибель «Донца», обстрел других военных судов в гавани, а также подожженные склады в порту, которые и без того серьезно пострадали от обстрела. Несколько снарядов попали даже на Николаевский бульвар, но, к счастью, не принесли значительных разрушений.

Склады же продолжали пылать. Большинство из них принадлежали богатому купцу Аристиду Сарзаки. Они были построены с самыми серьезными нарушениями в противопожарном отношении – на скорую руку, чтобы дешевле, и не были снабжены запасными выходами. Люди, оказавшиеся в них, попали в огненную ловушку, запертые и отрезанные от выхода огнем.

В ту страшную ночь бабушка Тани находилась на одном из складов, получая партию контрабандного товара, который привозили только ночью. О пожаре Таня узнала от соседки, которая с воплями заколотила в ее дверь.

Дальше начался ад... Из Еврейской больницы, где только-только доктор Петровский сделал бабушке операцию, Таня помчалась в порт. Гнала ее вперед одна мысль: увидеть Алексея, рассказать ему. «Он поможет», – уговаривала себя Таня.

В порту царил хаос после ночных разрушений. На воде плавали темные нефтяные пятна.

– Где «Донец»? – Таня вцепилась в какого-то офицера, проходящего мимо. – Где канонерка «Донец»? Они стояли на рейде. Где их экипаж?

– На дне моря, мадемуазель, – офицер осторожно оторвал от себя ее руки. – «Донец» потопили турки сегодня ночью. Погиб весь экипаж. Весь...

Как подкошенная, Таня рухнула на плиты возле причала порта. А вокруг все продолжались крики, запоздалые выстрелы, топот людей...

В следующие несколько месяцев в дешевых ломбардах навсегда исчезли свадебное платье Тани, розовое бальное и подаренное Алексеем кольцо с бриллиантом. Беды обрушились так внезапно и страшно...

Глава 3

Исчезновение Володи Сосновского. Убийство в редакции. Разговор с Майорчиком. В анатомическом театре

Хмурые лучи пасмурного, дождливого рассвета застали Таню возле раскрытого окна. Погрузившись в воспоминания о прошлом, она подвинула к нему кресло и сидела так очень долго, до тех пор, пока ее не сморил сон. Снился ей Алексей Третьяков, стоящий на палубе военного миноносца. На нем был парадный мундир, и яркие лучи жаркого одесского солнца отражались на золотых эполетах, разбрасывая по палубе мелкие блестящие блики. Подняв Андреевский флаг, миноносец выходил из гавани. Пенная вода шумела под кормой корабля, и он удалялся все дальше и дальше. Исчезая вдаль, Алексей все махал и махал ей рукой до тех пор, пока его светлый силуэт не превратился в отдаленную золотистую точку...

Проснулась Таня вся разбитая, с невысохшими слезами на щеках. Было холодно от раскрытого окна. Дождь стучал по железному карнизу. И серый ненастный день был отражением той тоски, что после ночи наедине с прошлым осталась в Таниной душе.

Она вспоминала о прошлом потому, что очень хотела выйти замуж. И ей вдруг подумалось, что этим печальным сном Алексей благословил ее на новую жизнь.

Поставив на место кресло и закрыв окно, Таня подумала о Володе. Судя по всему, он так и не пришел ночевать.

На столе полностью догорела и оплавилась свеча, зажженная ночью. Электричество снова отключили, и вечером Таня сидела при свече. Чайник, который она вскипятила к приходу Володи, остыл, а в вазочку с медом попал таракан. Володя не возвращался. Таня вдруг почувствовала сильный укол тревоги.

Конечно, оснований для беспокойства не было никаких. Жизнь газетного репортера, тем более репортера криминальной хроники, полна всяческих неожиданностей. Иногда Володя по ночам задерживался в редакции или уходил по своим литературным делам, до рассвета засиживаясь на писательских собраниях, – так уже бывало не раз. Таня знала, что он мог отсутствовать ночью. В этом не было ничего страшного. Почему же сердце ее было не на месте именно в этот раз?

Она нервно заходила по темной комнате. Дождь усилился, тучи полностью затянули небо, было темно, как ранним осенним вечером. Таня щелкнула выключателем настольной лампы – электричества по-прежнему не было.

Текст полученной Володей записки встал перед глазами слово в слово. О каких секретных делах мог знать бывший сотрудник газетного мира, давным-давно отошедший от дел? Для каких темных авантур ему понадобился Володя – в мире, в котором, несмотря на смену власти, по-прежнему процветают всевозможные аферы и преступления? Таня жалела, что раньше не предостерегла Володю. Теперь ей казалось, что от записки плохо пахнет, что это дурной знак. Тем более, плохим было место встречи – Таня знала толстого хозяина кофейни, который приторговывал краденым, сбывал фальшивые деньги, а также предлагал богатым клиентам акции не существующих серебряных

рудников. Кофейня была местом встречи фальшивомонетчиков и портовых аферистов. Почему же приятель назначил встречу Володе именно там?

подавив свою странную тревогу, Таня стала заниматься домашними делами и даже не заметила, как массивные часы с кукушкой пробили десять часов утра. Сердце ее заболело по-настоящему. Никогда еще Володя не возвращался так поздно! Особенно если не ночевал!

Это было странно именно сегодня. Таня прекрасно помнила, как накануне Володя ей говорил о том, что ровно к 9 утра он собирается в редакцию, так как в 10 главный редактор Краснопёров проводит важное редакционное собрание. А после собрания Володя хотел улучшить минутку, чтобы поговорить с Краснопёровым о коротком отпуске по поводу свадьбы. И Таня знала, что Володя с нетерпением ждет этого разговора.

Почему же он не вернулся домой? Неужели решил отправиться прямо в редакцию, даже не сделав попытки успокоить волнуемую за него Таню? Это было на него не похоже. Володя всегда проявлял о ней трогательную заботу. Что же случилось?

Мокрая тарелка выскользнула из рук Тани и разлетелась на полу на тысячу осколков. Она вздрогнула. Быстро собрав их, Таня поплотней закуталась в шаль и решительно вышла из дома.

Она направилась в греческую кофейню, думая поговорить с хозяином и, в случае чего, припугнуть его своей дружбой с Японцем. Кофейня была еще закрыта, окна плотно прикрывали ставни, а на двери висел огромный ржавый замок. Поблизости тоже никого не было. В утреннее время это место казалось совершенно глухим, а домашнего адреса хозяина Таня не знала.

Она быстро стала подниматься по Дерибасовской, направляясь в редакцию. Ее изящные серебряные часики, подарок Володи, показали 11 утра. По рассказам Володи Таня знала, что редакционные совещания за час никогда не заканчивались. Значит, совещание еще идет, и если Володя пришел прямо в редакцию, то находится там.

Не думая, что ему скажет (эта мысль была последней в списке того, что ее беспокоило), Таня бежала вверх по Дерибасовской к Горсаду, к зданию бывшей

гостиницы, где находилась редакция «Одесских новостей». Дождь стих, но по-прежнему было пасмурно – совсем как на душе у Тани.

Возле входа в бывшую гостиницу стояла толпа. Таня с удивлением замедлила шаг. Народ клубился возле самого входа, что-то тревожно обсуждая. Таня разглядела штыки солдат и сотрудников народной милиции, в новой форме, которые сдерживали толпу. Впрочем, и солдаты, и милиционеры вели себя достаточно мирно и глазели, как заправские зеваки, ведь любопытство всегда было одним из главных качеств одесситов.

Таня подошла ближе. На мостовой, напротив входа, стоял черный автомобиль с номерами Ревкома (когда-то Володя научил ее различать такие номера). Появление начальства не сулило ничего хорошего. Таня затесалась в толпу.

– Грандиозный шухер! Да за такой халамидный швицер, шо ушами сквозь горло повыскакивал, – буйно жестикулируя, говорил лысоватый дядечка. – Я вам за шо скажу: как куры за ошип, но нихто не возьмет того швицера даже за халду на пальте, бо давно вже сделал такие ноги, шо за ваши глаза не доснились! Попомните за мое слово – намотайте за уши!

– Ой, шоб ты был мене здоров, раскудахтался, як химины куры на сносях, – парировал кто-то в толпе. – Тут не за коня в пальте, и не за якись шмутки. За кто ты знаешь, швицер ушастый, кто кому заскочил промеж горла? Возьмут убивцу, не возьмут – слушайте меня сюда: то одно большое ша, як ночь до вечера за слова, шо никогда не выйдут из ихний рот!

– А я за точно говорю – не базар за шару до Привоза! – сердился лысоватый дядечка. – Если поскладывать разницу, за яку дурные вашего отца дети, то я с милую распахнутую душу возьму себе разницу та заеду в Париж! Будут вам тогда кицькины лапы! Говорю за серьезное дело: убивец не какой-нибудь конь в пальте, да не за привозный халамидник, за вошь в ухе задавится! Убивец – фраер за тот, як картина при галстукe! Ни за чего не возьмут!

Услышанное нравилось Тане все меньше и меньше, и она бесцеремонно толкнула лысого дядечку в плечо.

– За что говорите? Что здесь произошло?

– Ой, дамочка, шоб вы были мне здоровы! – Дядечка с удивлением уставился на Таню – похоже, единственного человека в районе Дерибасовской, который ничего не слышал. – Вы мне не за Одессу будете, или как? Бо вся Одесса вже за уши замотала тот шухер, до которого встала наша Дерибасовская! А вы тут смотрите на меня синим глазом – картина маслом!

– Да что здесь произошло?! – Таня стала терять терпение.

– Да фраера одного забили, важного, шо твои шкарпетки! Люди говорили за то, что фраер за газету работал, – важно, со знанием дела пояснил одессит.

Все внутри Тани обмерло, кровь отхлынула от лица, было похоже, что она сейчас упадет. Дядечка даже перепугался.

– Ох, баришня, подвяжите ваше нервы, бо вы мне сейчас за обморок как хлюпнетесь, а упокоительного за здесь нету, или как? Шо ж вы такая синяя, как куры на Привозе? Нельзя быть такой чувствительной, за все душой погружаться!

– Кого убили из редакции? – еле-еле прошептала Таня, чувствуя себя уже не живой.

– Да редактора ихнего заглавного, так люди за рот сказали! – Одессит с интересом наблюдал за лицом Тани, на которую это известие явно произвело очень большое впечатление.

Не слушая разговорчивого дядкчу дальше, Таня принялась расталкивать всех локтями и пробилась к самым дверям главного входа, где скучали два молоденьких солдата.

– Барышня, куда претесь? Здесь лазить не велено! – Один из них преградил Тане путь.

– Мне нужно пройти в редакцию, – отдышавшись, она пыталась говорить спокойно, – это очень важно. Мне нужно поговорить с Антоном Краснопёровым, главным редактором «Одесских новостей».

– Уже нету твоего Краснопёрова, – хмыкнул солдат, – он за архангелам свои новости рассказывает – за сегодня ночи. Убили его.

– Замолчи рот за ушами, ты, швицер! – Второй солдат ткнул напарника локтем. – Не велено никого пускать, барышня. Следствие работает. Редакция зацеплена. Вон, все на улицу до стоят.

И действительно: проследив за взглядом солдата, Таня в отдалении увидела группу из сотрудников редакции, которые тихонько переговаривались между собой. Володи среди них не было.

Таня узнала журналиста с Госпитальной, друга Володи, и бросилась к нему.

– Мадемуазель Таня! – Журналист галантно поцеловал ей руку. – Вы уже слышали за наши жуткие новости? Тот еще шухер, как говорят в толпе!

– Это правда, что Антона Краснопёрова убили? – Таня сразу взяла быка за рога.

– Правда, – журналист вздохнул, и понизил голос, – ночью закололи ножом прямо в его кабинете. Говорят, ему вырезали глаза.

– Кто же это сделал? – ахнула Таня.

– Разве можно за это узнать? – Журналист развел руками. – Сами знаете, за какие эти, когда пот за уши наматывают! Ни слова промеж зубы не вылетит. Говорят, что нож нашли странный. Рядом с трупом. И ничего больше.

– Кто его нашел? – продолжала выпытывать Таня.

– Вахтер, утром. Поднялся в 9 утра, кофе понес. Он часто так делал, если Краснопёров оставался ночевать в редакции, – пояснил журналист, – ну, и нашел...

– А Краснопёров часто по ночам оставался в редакции? – нахмурилась Таня.

– В последнее время таки часто. Но что у него за дела, никто не знал.

– Вы видели утром Володю? – Таня сменила тему.

– Володю? – удивился журналист. – Нет. Он еще в редакцию не приходил. А должен был?

– Я... не знаю... – Таня прикусила язык.

– Вы что, поссорились? Так не берите в голову! – улыбнулся ей журналист. – Перед свадьбой так часто бывает!

– Нет, мы не ссорились. Но он точно не появлялся в редакции? – настаивала Таня.

– Нет, это точно. Я его не видел. И никто не видел. Все, кто был утром, здесь.

В толпе произошло какое-то движение. Из дверей главного входа появились четверо в кожаных тужурках, с наганами за поясом и, не говоря друг другу ни слова, уселись в черный автомобиль. В одном из них Таня признала главу Ревкома – видела его фото в газете Володи. Взревев диким ревом, машина окутала толпу черным облаком выхлопного дыма и тронулась с места. Солдаты закричали, требуя расходиться.

– В редакцию нас сегодня точно не пустят, – вздохнул журналист, – лучше сразу идти по домам. Что они там ищут – сам черт за горло сломит! Может, знают за Краснопёрова то, что не знаем мы. Не за дело за простое горло не кромсают, как в котлету. Видать, соли под хвост засыпал. Он был такой.

– Какой? – схватилась за его слова Таня.

– А такой. Это вон вам Володя расскажет. За последнее время они были как не разлей вода, дружба навек, – в словах журналиста послышались ревнивые нотки, – вечно шушукались по углам. И Краснопёров всегда его материалы за первую полосу ставил.

– А о чем они шушукались? – нахмурилась Таня.

– А хрен их знает! – с чувством произнес журналист. – Ваш у Краснопёрова давно уже ходил в любимчиках. И если Краснопёров и рассказал чего, то только ему.

Почувяв, что больше ничего интересного не произойдет, толпа стала расходиться. Ушли и журналисты – их не пустили в редакцию солдаты, которые остались стоять на входе.

Таня отошла к Горсаду и, остановившись, задумалась. Кто-то ночью жестоко убил Антона Краснопёрова, главного редактора газеты. Ему вырезали глаза. Почему убийца так ужасно изуродовал труп? Глаза вырезали у трупа или еще при жизни? И что за странный нож – какой-то ритуал?

Мог ли Володя видеть убийство? А вдруг он случайно проходил по Дерибасовской, увидел свет в окнах редакции и решил зайти, поговорить с Краснопёровым, а тогда... Да, но где Володя сейчас? Если он видел убийцу, то прячется... Как же его найти, или он сам даст о себе знать, сумеет придумать способ? Голова Тани раскалывалась от этих мучительных вопросов, а сердце явно подсказывало, что Володя попал в беду. Но что за беда, пока она не могла понять.

– Эй, подруга, ты за шо такая смурная, своих не узнаешь? – Рядом с собой Таня увидела улыбающееся лицо Майорчика, бессменного и самого верного адъютанта Японца. Мейер Зайдер выглядел невероятным щеголем в элегантном черном костюме еще дореволюционного шика. В петлицу была вставлена живая гвоздика ярко-алого цвета. В руках он, в точности, как Японец, держал трость.

– Майорчик! – выдохнула Таня. – Ты за редактора газеты слышал?

– А то! Дохлый номер, за то только тебе скажу. Покромсали, как куру до холоймеса, – ответил Зайдер. – За дохлый номер кто-то пролетит как фанера над Парижем, но за такие слова просто не могут выйти из мой рот.

– Интересно, за что его убили... – задумчиво протянула Таня.

– За гроши! За что еще какой-то швицер полазит за мокрое дело? – со знанием дела прокомментировал Майорчик. – Тока гроши – тот дохлый хипиш, за который кому хочешь горло намотать можно, да за так, шоб за ушами скворчало! Вот ему и намотали.

Майорчик либо не знал, кто убил Антона Краснопёрова, либо не хотел говорить. Но трудно было представить, что правая рука Мишки Япончика не знал чего-то о криминальном мире Одессы! Значит, не хотел говорить. Но почему?

Думая об этом, Таня не заметила, что Майорчик не сводит с нее долгого, пристального взгляда.

– А правду за тебя в городе говорят? – Его голос вырвал Таню из сонма тяжелых мыслей. – Говорят, шо ты за фраера газетного замуж собралась? За того фраера, шо Японец до него с понятиями ставится, бо погром остановил?

– Правду. За Володю Сосновского, – вздохнула Таня.

– А я вчера твоего фраера ночью в пивнухе на Греческой видел! – вдруг выпалил Майорчик.

– Что? – Таня даже растерялась от неожиданности. – Когда?

– Да вчера ночью. Аккурат часов одиннадцать стукнуло. Как будто кого ждал, – ответил Зайдер. – Один он был. Мой человек видел, как он ночью выходил из редакции да шел до пивнухи. Мне потом рассказал.

– Он был ночью в редакции? – задохнулась от волнения Таня.

– Был, – Майорчик впери́л в нее тяжелый взгляд, – в редакции все окна горели. Видел.

– А что делал твой человек возле редакции? – с подозрением спросила Таня.

– Да то левое дело под Горсадом было, – Зайдер пожал плечами, – надо было фраера одного пугнуть. Аккурат напротив бывшей гостиницы. Вот он и видел, как твой женишок выходил. Краснопёров, кстати, был еще жив.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Таня.

– Так он и Краснопёрова потом видел. Тот возле открытого окна стоял, курил. Словно думал за что, або до кого-то ждал.

– Убийцу ждал? – ахнула Таня.

– Может, и так. Жизнь терка острая, кого хошь перетрет да оцарапает. И фраера твоего, как за коня в пальте... – вздохнул Майорчик.

– Ты хочешь сказать, что на Володю подумают за то, что он Краснопёрова убил? – голос Тани дрогнул.

– Да ни за что я не хочу сказать! Ты лучше до Японца зайди, у него новостей полно, хочет до тебя поделиться, – и, развернувшись на своих щегольских каблуках, Майорчик быстро пошел вниз по Дерибасовской, кокетливо поигрывая тростью.

Значит, Володя все-таки был в редакции. Худшие опасения подтвердились. Но куда он пошел потом, после пивной на Греческой улице? Кого он ждал? Про пивную в записке не было. Значит, решение отправиться туда возникло у Володи после посещения редакции и разговора с Краснопёровым. Связано ли было это с запиской?

Вопросы, вопросы... Володя вполне мог скрываться от полиции. Но где, у кого? На ум пришел только один человек – старый профессор из анатомического театра, друг Володи. Кстати, этот визит будет очень полезен и в другом плане, ведь труп Краснопёрова явно отвезли туда. Значит, есть шанс узнать подробности о смерти – как был убит Краснопёров, чем, в какое время, при жизни или после смерти ему вырезали глаза, а главное, что за нож и в каких ритуалах его используют. Таня не сомневалась, что профессор это знал. А потому, остановив проезжавшую мимо пролетку, она отправилась в анатомический театр.

Здание анатомического театра стояло на отшибе глухого, далекого парка, и Таня вспомнила о том, как уже шла здесь с Володей, путаясь между огромных раскидистых деревьев. Ей невольно подумалось, что, должно быть, по ночам здесь бывает очень страшно, особенно, если постоянно думать о том, что находится внутри.

Но стоял день, и были слышны даже голоса гуляющих в парке детей, несмотря на дождь.

Овальный флигель анатомического театра производил впечатление полной безлюдности и какой-то заброшенности. Окна были прикрыты плотными ставнями. У самого крыльца Таня вдруг заметила на мокрой земле какой-то золотой кружок. Это была красивая иностранная монета с резными буквами. Какой она страны, Таня не знала. Она машинально сунула монету в карман.

Громко, кулаком, постучала. Никакого ответа. Толкнула дверь. Она оказалась не заперта. Шагнув вперед, Таня очутилась в уже знакомом коридоре, где стоял приторный, сладковатый запах формальдегида и других тошнотворных препаратов, которые используются в таком месте.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? Господин профессор! – крикнула Таня, и громкий голос гулким эхом отразился от стен. – Это я, Таня Алмазова! Невеста Володи!

Ответа снова не последовало. Таня не знала, есть ли у профессора медицинский персонал, работает ли здесь кто-то еще. Вспомнив, что его кабинет находится прямо по коридору, Таня медленно, сквозь темноту, пошла вперед, держась за стенку кончиками пальцев.

Вот и приоткрытая дверь кабинета. Таня зашла внутрь. На столе ярко горела настольная электрическая лампа – похоже, ее никто не выключил с ночи. А под столом...

Профессор лежал на спине, вытянув руки вдоль тела. Ноги его были чуть согнуты в коленях, ступни повернуты в сторону. Было очень похоже на то, что он стоял, а затем упал.

Профессор был в белом халате, и на груди его очень ярко выделялось огромное багровое пятно. Преодолевая отвращение, Таня нагнулась над трупом. Раны были не огнестрельные – было очень похоже на то, что его кололи в грудь ножом. Ран было множество – халат заскоруз от крови, представляя на груди сплошное кровавое месиво.

Но самым страшным было лицо, похожее на ужасающую кровавую маску. Такой ее делали вырезанные глаза. Их вырезали квадратами, очень глубоко – так глубоко, что в одной из ран были видны беловатые кости черепа. И эти ужасающие впадины вырезанных глаз придавали лицу выражение, которое просто невозможно было забыть. От трупа уже шел запах. Судя по нему,

профессор был мертв еще с ночи.

В коридоре раздались голоса, затем зычный мужской голос прокричал:

– Эй, док, вы где? Мы вам еще жмурика привезли!

Таня распахнула окно и выпрыгнула в парк. Поскользнувшись, она чуть не упала на влажную от дождя землю. Было слышно, как в кабинете грохнули дверью, затем раздались крики... Не чуя под собой ног, Таня мчалась через парк с такой скоростью, что у нее горело в груди, а перед глазами все стояло жуткое лицо профессора с окровавленными пустыми глазницами.

Глава 4

Пестрое воинство. Письмо в газету. Полк Мишки Япончика. Штаб полка

Возле ресторана бряцали оружием. Пестрое воинство Японца было вооружено до зубов. Толпясь на крыльце, они горланили блатные песни во все горло, пили дешевое пиво из горла, курили черные папиросы-самокрутки, вошедшие в моду с легкой руки революционеров, без конца болтали о своем и все время потрясали оружием, которым были увешаны с головы до ног. Оружие всё было с иголочки, новенькое, самого последнего образца.

Из ресторана донеслись звуки разбитого, расстроенного пианино, взрывы хохота, звон бутылок. Бойцы Японца, избравшие своей штаб-квартирой этот уютный ресторанчик на бывшем Николаевском бульваре, гуляли перед отправкой на фронт.

После того, как все заведения Мишки, в том числе и штаб-квартира в ресторане «Монте-Карло» на Торговой, были закрыты новой революционной властью, он оккупировал этот уютный ресторан. Революционные правители Одессы не возражали, так как хорошие отношения с Япончиком означали большие поставки оружия и стабильный порядок в городе. А потому в ресторане он создал базу для

своего новоявленного полка, исполнив свою давнюю мечту: создав собственный революционный полк и став самым настоящим красным командиром, официальным большим начальством. Но Таня знала то, о чем знал мало кто в городе: вся эта военная роскошь была создана на бриллианты, которые добыла она. Бриллианты, из-за которых она до смерти сцепилась с Пилерманом.

Яков Пилерман стал военным комендантом Привоза, официально назначенным Ревкомом. Поговаривали, что он проворачивал такие удачные дела, что озолотил Японцы с головы до ног. И большая часть средств из этого золотого источника шла на полк. Привоз был полностью подконтролен Японцу, и Пилерман от его имени вертел этим крупным рынком, как хотел. А значит, финансировал отправку людей Японца на фронт.

После того, как Мишка создал свой полк, в городе стали поговаривать разное. Одни восхищались хитрым королем, который и при новой власти сумел удержаться на выгодном месте, другие поговаривали, что Японец, вышедший из самых социальных пролетарских низов, всегда был красным революционером в душе, третьи сомневались в успехе этого странного предприятия, а четвертые откровенно плевались и говорили, что Японец предал дух криминального, воровского мира старой Одессы. Ну а пятым вообще было плевать на всё.

Таня догадывалась, что одним из главных чувств, руководивших Японцем при создании этой полковой авантюры, было глубоко затаенное чувство зависти к Котовскому, который, будучи менее успешным бандитом, чем Мишка, при новой власти сумел прославиться и добиться положения почетного командира красной конницы. Если неудачливый, неумный налетчик Котовский сумел стать красным командиром, то почему им не может стать Мишка Япончик, король Одессы? Да он будет гораздо лучшим командиром, чем этот приبلудный атаман из Бессарабии! И, думая так, Японец не жалел денег, времени и сил, чтобы сформировать свой полк.

В мае 1919 года он стал командиром советского броненосца № 870932. Полк его был набран из анархистов и бандитов и официально предназначался для подавления восстания, поднятого атаманом Григорьевым против советской власти.

В документах того времени есть курьезный факт. Очевидец пишет:

«Секретарем ОЧК состоит какой-то товарищ Михаил. Кроме того, есть в Одессе известный уголовный преступник, глава шайки бандитов, вор и грабитель, кличка которого – «Мишка-Япончик». Одесситы почему-то связали этих двух Михайлов, и пошел слух, что «товарищ» Михаил и «Мишка-Япончик» – одно и то же лицо.

Чрезвычайная комиссия опровергает сегодня эту версию.

От президиума Одесской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности.

Контрреволюционеры задались целью подорвать престиж исполнительного органа советской власти ОЧК в рабочих массах и, не брезгуя никакими средствами, распространяют самые нелепые слухи об ответственных работниках ЧК.

Одной из последних сенсаций является слух о том, что секретарем Одесской Чрезвычайной Комиссии якобы состоит небезызвестный в Одессе грабитель «Мишка-Японец».

Находя необходимым положить предел распространению подобных преступных, ложных слухов, Президиум Одесской Чрезвычайной Комиссии доводит до сведения рабочих г. Одессы, что секретарь ОЧК тов. Михаил- партийный работник, назначенный Исполкомом, ничего общего с «Мишкой-Японцем» не имеет.

Президиум ОЧК просит товарищей рабочих задерживать и препровождать врагов революции, распространяющих ложные слухи о советских учреждениях и об организациях, в Чрезвычайную Комиссию.

Жалобы на действия ОЧК и ее сотрудников направлять в комиссию Госконтроля при ЧК: Екатериноградская, 8.

Председатель ОЧК Онищенко. Суббота, 31 мая».

Обиженный и оскорбленный в своих лучших чувствах Мишка-Япончик послал письмо в редакцию «Известий», в котором он протестует против опубликованного несколько дней тому назад объявления ЧК, как «порочащего его доброе имя»...

Письмо в редакцию.

Я, нижеподписавшийся, прошу уважаемую редакционную коллегия напечатать нижеследующее:

Я, Моисей Винницкий, по кличке «Мишка-Япончик», приехал четыре дня тому назад с фронта, прочел в «Известиях» объявление ОЧК, в котором поносят мое доброе имя.

Со своей стороны могу заявить, что со дня существования ОЧК я никакого активного участия в этом учреждении не принимал.

Относительно моей деятельности со дня освобождения меня из тюрьмы по указу Временного Правительства, до которого я был осужден за революционную деятельность на 12 лет, из которых я отбыл 10 лет, – могу показать документы, находившиеся в контрразведке, а также и приказ тойжеконтрразведки, в котором сказано, что за поимку меня обещали 100 тысяч рублей, как за организатора отрядов против контрреволюционеров, но только благодаря рабочим массам я мог, укрываясь в лачугах, избежать расстрела.

В начале настоящего года, когда пронесся слух о предстоящем погроме, я не замедлил обратиться к начальнику еврейской боевой дружины тов. Кошману с предложением войти с ним в контакт для защиты рабочих кварталов от погрома белогвардейцев всеми имеющимися в моем распоряжении средствами и силами.

Я лично всей душой рад, когда кто-нибудь из рабочих и крестьян отзовется и скажет, кто мною был обижен. Заранее знаю, что такого человека не найдется. Чтожекасается буржуазии, то если мною и предпринимались активные действия против нее, то этого, я думаю, никто из рабочих и крестьян не поставит мне в вину. Потому что буржуазия, привыкшая грабить бедняков, сделала меня грабителем ее, но именем такого грабителя я горжусь, и, покуда моя голова на

плечах, для капиталистов и врагов народа буду всегда грозой.

Как один из примеров провокации моим именем даже при советской власти приведу следующий факт.

По просьбе начальника отряда, тов. Трофимова, мы совместно отправились к начальнику отряда Слободского района тов. Каушану с просьбой, чтобы тов. Каушан разрешил мне препроводить в ОЧК для предания суду революционного трибунала Ивана Гричко, который, пользуясь моим именем, убил рабочего и забрал у него 1500 рублей, у которого были также найдены мандаты для рассылки с вымогательскими целями писем в разные места с подписью «Мишка-Япончик»; тов. Каушан разрешил, и я препроводил убийцу рабочего в ЧК.

В заключение укажу на мою деятельность с приходом советской власти. Записавшись добровольцем в один из местных боевых отрядов, я был назначен в конце апреля в 1 Заднепровскую дивизию, куда я немедленно отправился. Проезжая мимо станции Журавлевка Ю. З.Ж.Д., стало известно, что под руководством петлюровского офицера (Орлика) был устроен погром в Тульчине, куда пошел Жмеринский полк для ликвидации погромной банды. К несчастью, командир отряда был убит, не дойдя к месту назначения. Красноармейцы, зная мою железную волю, на всеобщем собрании избрали меня командиром. Завидуя моему успеху, некоторые несознательные элементы изменническим образом передали меня в руки бандита Орлика, который хотел расстрелять меня, но, благодаря вмешательству крестьян села Денорварка (в нескольких верстах от Тульчина Под. Губ.), стоявших за советскую власть, я был спасен.

Все вышесказанное подтверждаю документами, выданными мне тульчинским военным комиссаром за № 7.

После целого ряда военных испытаний я попал в Киев, где после обсуждения всего вышеприведенного я получил от народного военного комиссара назначение в первый Подольский полк, где подольским воен. губ. комиссаром была возложена на меня задача, как на командира бронепоезда за № 870932, очистить путь от ст. Вапнярка до Одессы от григорьевских банд, что мною было выполнено; подтверждается документом командующего 3 армии за № 1107.

На основании вышеприведенного, я отдаю себя на суд рабочих и крестьян, революционных работников, от которых я жду честной оценки всей моей

деятельности на страх врагам трудящегося народа.

Прошу все рабочие и крестьянские газеты перепечатать настоящее письмо.

Моисей Винницкий под кличкой

«Мишка-Япончик».

Воскресенье, 17 августа.

Через три дня после публикации этого письма в газетах Японец явился в особый отдел ЧК при 3-й Украинской армии и предложил организовать отряд из числа своих приверженцев «для защиты революции». Это предложение нашло поддержку в Реввоенсовете 3-й армии, и Япончику разрешили сформировать военный батальон особого назначения для борьбы на деникинском фронте. Этот батальон набирался только из одесских бандитов, которые считали Мишку Япончика своим королем. Он называл их «боевиками», требовал беспрекословной дисциплины.

В кабинете ЧК, где Мишка Япончик рассказывал о своих планах, находился армейский комиссар Федор Фомин, оставивший впоследствии детальное описание того, как проходил весь этот разговор. Вот как он записал этот момент: «Рассказывал Японец о своих одесских похождениях довольно живописно. Грабили они только богатую буржуазию, бежавшую в Одессу со всех концов Советской России, немного «прихватили» и у местных, одесских, буржуев. Говорил недолго, но очень убедительно. Глаза его при этом горели огнем. «Заверяю честным словом, – рукой рубанул по столу, – что теперь грабежей и налетов не будет. А если кто попытается это сделать – расстреливайте этих гадов на месте. Со старым мы решили покончить. Но я пришел не каяться. У меня есть предложение. Я хочу, чтобы мои ребята под моим командованием вступили в ряды Красной армии. Люди у меня есть, оружие тоже, в деньгах я не нуждаюсь. Мне нужен ваш мандат и помещение для формирования отряда».

Реввоенсовет 3-й Украинской советской армии дал свое «добро» на организацию особого, 54-го, полка.

Когда число добровольцев превысило тысячу человек, батальон был развернут в 54-й имени Ленина советский стрелковый полк 3-й Украинской армии.

Командиром полка официально был назначен «товарищ Мишка» (так называли Японца в рядах большевиков), комиссаром стал секретарь Одесского исполкома – известный анархист Александр Фельдман, а политкомиссаром полка – венгр-интернационалист Тадеуш Самуэли.

В первый же день своего назначения на посту командира полка Мишка Япончик получил два официальных приказа (с печатями, отпечатанные на машинке), которые впоследствии показывал всем и которыми очень сильно гордился, словно поднимали они его на недостижимую высоту. Первый – приказ одесского Окрвоенкомата № 614:

«Допускается к исполнению должности командира 54-го пехотного полка товарищ Винницкий, помощник его тов. Вершинский, комиссарами тт. Зайдер, Зеньков и Фельдман». И второй – «Реввоенсовет 3-й Украинской армии. Товарищу Мишке Японцу. Приказываю вам именем Командующего одно легкое орудие со всеми снарядами передать в распоряжение командира партизанского отряда товарища И. А. Дмитриева.

Нач. штаба И. А. Пионтковский».

Полк Мишки Япончика состоял из трех батальонов. В первых двух находились добровольцы – одесские налетчики и воры, дружинники отряда Еврейской самообороны. В третий батальон направлялись мобилизованные студенты Новороссийского университета. В полк были зачислены также 132 коммуниста, мобилизованных губкомом КП (б) для пропагандистской и воспитательной работы с бывшими антисоциальными, уголовными элементами.

Однако большинство коммунистов – около ста человек – категорически отказались вступить в полк и вести там пропагандистскую работу, ссылаясь на то, что пребывание в этом полку опасно для их жизни. Остальные рискнули – на свой страх и риск.

Надо сказать, что никаких особых неприятностей им бывшие бандиты не причинили. Единственной неприятностью было то, что их отказывались слушать. Бандиты долгое время жили по своим собственным законам, и идеи пропаганды коммунизма не находили у них отклика и поддержки, уж слишком противоположны были тому, во что верили бывшие одесские уголовники с

самого детства. И поэтому вся пропагандистская, коммунистическая работа велась в особом полку для галочки, в основном на бумаге. Понимая, с кем имеют дело, коммунисты перестали себя утруждать, сдружились с бывшими бандитами, с которыми было гораздо веселей, чем с серьезными товарищами по партии.

Полк был очень хорошо вооружен самым современным оружием, имел 40 трофейных пулеметов, конную сотню, оркестр и граммофон. Штаб полка находился на улице Новосельского в гостинице «Дом отдельных комнат» – бывшем публичном доме для заезжих купцов. Но неофициально своей штаб-квартирой Мишка Япончик сделал бывший ресторан «Ампир» на Приморском бульваре. С него сняли вывеску с буржуазным названием, но работать как ресторан заведение все равно продолжало, пусть даже полуофициально.

Старые привычки не просто искоренить. А потому Японец предпочитал находиться в бывшем ресторане, а не на улице Новосельского. Именно там, в уютном кабинете с сохранившейся на стенах позолотой, он проводил все свои самые важные встречи и принимал неофициальных посетителей из бывшего криминального мира, с которым не рвал крепкие связи. Но, несмотря на то что полк размещался в другом месте, на крыльце толпилось довольно много вооруженных людей, представлявших не только личную охрану Японца, но и основной костяк полка, который получался весьма пестрым.

Не обращая внимания на призывы Мишки начать новую жизнь, не все одесские уголовники спешили встать под его боевые знамена. Несколько уважаемых старых воров, бывших в авторитете и почете еще до революции, при царском режиме, провели воровской сход, на котором пытались обсудить последние события. Звали и Японца.

Однако он на сход не пришел, а прислал своего бессменного адъютанта и самого верного друга Мейера Зайдера, который и сделал для всех воров объявление от имени Японца.

Оно заключалось в следующем. Кто хочет начать новую жизнь и порвать с воровским прошлым – добро пожаловать в полк. Тот, кто запишется, получит полную амнистию. Большевики спишут все уголовные грехи и больше не будут преследовать по закону.

Кто не записывается в полк, а предпочитает жить по старинке, промышляя грабежами и кражами, тот волен поступить так, как хочет. Но за таких людей Японец ответственности больше не несет, и, если попадутся в лапы большевиков, выкупать или вызволять их он больше не будет. Пусть отвечают по закону большевиков, Японец им в этом деле не советчик. А потому и долю в прибыли брать больше не будет – пусть делят между собой. Словом, в новом мире теперь будут действовать новые правила.

Мейер Зайдер высказался и ушел, провожаемый всеобщим гробовым молчанием. Воры не поддержали инициативу Японца, но и не стали отговаривать согласившихся – все понимали, что ситуация сложилась серьезная.

Одессу окружала война: бунтующие банды атамана Григорьева, петлюровцы, отряды Махно, принявшие сторону Григорьева. У большевиков не хватало ни оружия, ни людей, ни времени на внутренние городские разборки. Тюрьма и застенки ЧК были забиты, суды не работали, новых законов не было. А потому большевики поступали с пойманными бандитами по законам военного времени – моментально ставили к стенке, причем без всяких объяснений. Расстреливали как за убийство, так и за мелкую карманную кражу.

Методы большевиков превзошли всё, что в воровском мире Одессы видели до тех пор. Если бывший губернатор Гришин-Алмазов пытался покончить с бандитизмом путем военного террора, но получалось у него не очень, то большевики ввели самый настоящий военный террор, расстреливая всех без разбору и даже не разбираясь в вине – вор ли попался военному патрулю, или случайный прохожий, который просто проходил мимо.

Кроме этого, воровской мир подстерегала еще одна беда – гораздо серьезнее, чем смертельная опасность в лице красных. Воровать было не у кого. Все богатые люди покинули Одессу, давно уехали из города, а те, кто остался, уже и так были ограблены постоянными реквизициями, экспроприациями, которые бесконечно проводили военные отряды большевиков. Население обнищало до такой степени, что у людей не было не только наличных денег, но и продуктов, вещей. Одесситы умирали от голода и от многочисленных эпидемий, так как в городе не было медикаментов. На этом фоне воры оставались без работы. А получать пулю в лоб за кражу булки из хлебной лавки или засаленной трехрублевки из кармана рабочего не хотелось никому.

Поэтому полк Японца казался самым лучшим выходом. И при деле, и на вещевом, продуктивном довольствии, и амнистия полная – к стенке уже не поставят, да и в тюрьму не посадят. А потому в первые дни после объявления о наборе в новый полк на Новосельского в штабе стояла настоящая очередь. Особенно после того, как быстро разнеслись слухи о сходе, на котором воры не стали препятствовать замыслам Мишки Япончика. И большая часть уголовников Одессы ринулась записываться в полк, пытаясь хоть так спасти свои шкуры.

Глава 5

Расстрел цыганского табора. Предупреждение старого вора. Странная личность
Жорж Белый

Цыган, один из старейших воров Одессы, прошедший не одну царскую каторгу, о чем свидетельствовали разнообразные татуировки, покрывавшие почти все его тело, жил в большом доме на Слободке. В этом месте располагались дома цыган – остатки обширного табора, когда-то кочевавшего по просторам юга, а затем решившего осесть в Одессе.

Теперь от табора осталось меньше четверти – кто покинул город, кто умер, кто был убит, кто пострадал в погромах, ведь цыган не любили так же, как не любили евреев, и били их не меньше – с той только разницей, что если евреев могли спасти от погромов, то цыган никто и никогда не спасал.

В Одессе их не жаловали – за попрошайничество, за воровство и еще за то, что в своих многочисленных дворах цыгане варили дешевые наркотики, а затем продавали всем желающим. Еще они делали фальшивые деньги и торговали поддельными медикаментами, которые варили там же, где и наркоту. И вот за этим всем наблюдал Цыган – вор, назначенный местным цыганским бароном контролировать цыганский криминальный бизнес, который так же, как и всё в городе, подчинялся Японцу.

Его имени никто не знал – в криминальном мире он был известен с давних времен именно как Цыган, и слово его всегда было весомым. Среди других одесских воров Цыган пользовался уважением – потому что никогда не делал другим подлостей, не пытался захватить чей-нибудь район и обладал железным авторитетом среди своих, цыган, которыми правил железной рукой, и никто никогда не смел его послушаться.

Вообще цыгане всегда стояли особняком от других воров и если и входили в местный криминальный мир, подчиняясь его законам, то только потому, что иначе никто не дал бы им свободно заниматься своими делами, их просто стерли бы в порошок. А потому, вступив в контакт с Японцем, Цыган получил для своих людей железную гарантию того, что никто их не тронет, никто не посягнет на то место, которое они уже отвоевали. Они были сами по себе, но никто из них не нарушал воровской закон.

Может быть, именно по причине этой обособленности никто из цыган не записался в полк. А когда Цыган назначил встречу Японцу, тот приехал лично к нему домой, чем подчеркнул свое особое к нему уважительное отношение, ведь король Одессы не ездил ни к кому никогда.

Автомобиль Японца затормозил возле дома Цыгана. Во дворе было пусто. Перед важной встречей Цыган убрал всех своих домочадцев, чтобы никто не помешал разговору. Только столетняя старуха, одна из многочисленных родственниц, сидела во дворе под раскидистой яблоней, покуривая трубку с черным армейским табаком да щурясь на солнечный свет выцветшими подслеповатыми глазами.

– Зачем звал? – Японец чинно переступил порог беседки, в которой Цыган накрыл для гостя стол. Беседка была расположена в цветущем саду, и вокруг благоухала свежая майская зелень.

– Да так... слово за слово... переговорить... – Цыган с почетом усадил важного гостя в кресло, покрытое узорчатым ковром. Предложил водку, закуски. Выпили за встречу. Водка была царской, еще из старых запасов, и Японец удивленно раскрыл глаза – подобные напитки не только не продавались в городе, но исчезли даже из самых лучших ресторанов.

– Хорошую водку пьешь! – он посмотрел рюмку на свет.

– Из старых запасов. Такую подавали когда-то к столу государя императора, – ответил Цыган, – давно держал.

– Зачем же открыл? – удивился Японец.

– Нет больше смысла хранить, – Цыган покачал головой, – нет прошлого. Когда еще выпьешь с хорошим человеком?

– Красивый у тебя сад! – Японец посмотрел по сторонам.

– Землю люблю, – улыбнулся Цыган, – так и тянет к земле. Возился бы на ней, сложись жизнь иначе. Теперь уже поздно...

– Да шо за здрасьте! – удивился Японец. – Щас вот и копайся за свою землю, самое то оно! Кто за тебя мешает, или как за такое дело скажешь?

– Вот за то и хочу поговорить, – Цыган сразу стал серьезным, – предупредить тебя хочу. За дело твое пару слов сказать надо.

– Ну, говори, – нахмурился Японец, – много кто говорит. Уже за все уши повяли. Много говорят, да мало делают. И ты говори – за долгие годы заслушаю.

– Нет, ты не знаешь о чем, – Цыган покачал головой, – люди до тебя идут – это правда. Но люди, они всегда... слабы головой. А вот ты, сдается мне, не на ту дорожку сворачиваешь. По дороге идешь не с теми.

– Поясни, – нахмурился Японец.

– Я поясню. Только ты скажи мне спервой, зачем оно тебе? Силы захотелось, власти?

– Не угадал! – хохотнул Японец. – Сила, власть – за это все у меня есть! Я другого хочу. По-другому, понимаешь? Шоб не брехали за лоб – мол, вор, хоть король, а вор, шо босяк с Дюковского сада! Я за людей настоящим красным командиром хочу. Вон другие же смогут. Ще за как смогут. Только диву давайся. А чем я хуже? Я за тоже хочу как...

– Как Котовский, – нахмурился Цыган.

– А шо за нет? Шоб ты был мне здоров, чем я за хуже? Он красный конник, командир, слышал? А я буду за красный король, весь за орденов, медалей...

– Я историю тебе рассказать хочу. – Цыган вперил в Мишку тяжелый взгляд, – выслушай.

– Ну говори. Тока не за долго. Время дорого нынче! – хмыкнул Японец.

– Был давеча я в Бессарабии... Табор навестить знакомый было надо. Друг позвал старинный. Брат по крови. Ночью к лиману подъехал на подводе. К лиману, что возле Аккермана, знаешь? Табор там стал, на берегу. Подъехал – думал, огни, костры горят, люди возле костров сидят, старики разговаривают... Но вокруг не было ни души. Только кибитки ветер трепал, покрывала. Страшно мне стало. Я в ближайшую кибитку зашел – а там пустота. Вещи там были. Еда на столе разложена. Чай в чашке. И ни одного человека нет! Никого в таборе! Словно разом все вместе пропало! Страшно... аж до жути...

– Не понимаю... Исчезли все, что ли? – нахмурился Японец. – Все исчезли, даже дети? А куда подевались?

– Все исчезли, – Цыган понизил голос, – ни одного человека не осталось. Никого в таборе. Забился я в ближайшую кибитку, до утра переждал. Глаз не сомкнул – всю ночь трясся от страха. Старый я человек, многое повидал. Но такого никогда не видел, ни разу. Если б седым не был, из той кибитки вышел бы седой. Ни одного бы черного волоса не осталось.

– Страху ты на меня нагоняешь, – сказал Японец, – мне-то зачем? Страшное оно везде страшно! Ты рассказ свой заканчивай. Куда люди делись?

– Ты погодь. Страшное впереди. Потерпи. Недолго осталось. Утром, как рассвело, я еще раз табор осмотрел. А потом пошел в ближайшее село – спросить, что случилось. Из ближнего дома вышла ко мне старуха. Я спросил про цыган. Она говорит – это те, что лошадьми торгуют? А действительно, был у них табун. Лучший табун во всей Бессарабии! Там был такой вороной – не конь, песня! Как сейчас стоит перед глазами. Да, говорю, они. Исчезли все. Куда делись? Ни людей нет, ни коней. Старуха перекрестилась, а потом и говорит:

если нет их, значит, забрали призраки. По ночам призраки бродят возле лимана. И стала меня гнать. Перепугалась до смерти. И все время твердила про призраков, которые здесь людей губят.

– Ну больная старуха, – Японец пожал плечами.

– Я тоже так подумал. Потому и стал дальше искать. И нашел один хутор. Хозяин там пьяный лежал, но был мальчонка лет 14-ти, сын его. Ушлый такой мальчонка. Сразу смекнул, говорит: к ним за лошадьми приходили. Дай, мол, денег, я покажу. Дал я ему пару монет. И повел он меня вниз, к самому берегу лимана. Там запруда была одна, в камышах. А перед запрудой полянка. Вот на той полянке они и лежали.

– Кто лежал? – Голос Японца напрягся.

– Все они. Весь табор. Женщина, детишки, старики. Мертвые. Все как один мертвые. Тела все в пулях. Застрелили их и свалили в кучу, как мусор.

– Кто это сделал? – Мишка сжал кулаки.

– Я как увидел, чуть с ума не сошел. Но в конце концов нашел тех, кто рассказал мне правду. Убили их, чтобы забрать лошадей, табун. Табор весь перестреляли, а табун забрали. А трупы к лиману отнесли, чтобы не сразу заметили. Ведь кто цыган искать будет? Они же не люди, цыгане... А найдут – то что? У них просто так лошадей можно забрать... И чтобы молчали... А ты говоришь, красный командир...

– Да кто ж это сделал? – воскликнул Японец и вдруг резко замолчал, побледнел, угадав ответ. – Нет, не может...

– Ты понял, – Цыган кивнул, вокруг губ его появилась горькая складка, – конница. Конницу нужно было создать. А где взять лошадей? Кто даст лошадей?

– Да, он мог это сделать, – сказал Японец, – он был такой... Котовский.

– Котовский и его люди, – кивнул Цыган, – они перестреляли весь цыганский табор, чтобы забрать лошадей. Это были лучшие лошади в округе! Табун

славился за всю Бессарабию! Вот за него он и стрелял... Никого в живых не оставил... Ни одного ребенка...

Японец молчал. Что тут было сказать? Говорить властям было бессмысленно – со своей конницей Котовский стал легендарным красным героем. И никто даже не догадывался о том, что кони политы кровью...

– Он и тебя так, – вдруг сказал Цыган, – он и тебя положит, как полезешь за ним на фронт. Не связывайся с ними. Страшное это дело.

– Я не старик из табора, – Японец передернул плечами, – меня так просто не положишь. Многие уже пытались. У меня сила похлеще за него будет.

– Не будет, ты не такой, – веско сказал Цыган, – ты думаешь, что такой, но это не правда. Ты ведь не знал это о нем? Никто не знает. Я потому тебя и позвал, что предостеречь хочу. Мне на тебя смотреть больно!

– Я понял. Спасибо, что предостерег, – Японец поднялся с места, – только ничего такого со мной не будет. Ну хочешь, сам узнай! Вон старуху позови – пусть эта твоя чурчхела мне погадает!

И, смеясь, Японец направился к старухе, сидящей под яблоней.

– Эй, бабуля, погадаешь? Ручку позолочу!

Старуха резво для своего возраста поднялась, схватила Японца за руку.

– Отчего ж, красавчик... Можно и погадать.

Цыганка долго всматривалась в его ладонь, шевеля сухими губами. Потом вдруг переменилась в лице. Глаза ее как будто застыли, глядя в одну точку. Она резко отшвырнула руку Японца от себя. Затем, ни говоря ни слова, заковыляла по направлению к дому.

– Да просто слаба глазами, – сказал Мишка, наигранно хохотнув, – ни черта не видит, сова старая, но не хочет за то признаться... Глупость все это, ваши гадания... Бабская дурь...

Цыган молча смотрел на него. Затем поднялся с трудом, проводил до автомобиля:

– Помни... – попытался сказать он, но Японец быстро сел в машину, не дав ему договорить. Машина, резко газанув, сорвалась с места. Цыган медленно пошел по направлению к дому.

С тех пор прошло много времени, но больше никто из воров не говорил с Японцем. Не одобряя его действий, воры не могли им противиться, а потому залегли на дно. Формирование полка, между тем, шло полным ходом.

В городе о нем ходили легенды. И на улице Новосельского, и возле бывшего ресторана «Ампир» толпились зеваки, «чтобы посмотреть». Это была высшая форма одесской славы – сплетни в каждом дворе, постепенно перерастающие в легенду.

Таня ступила на крыльцо, отодвинула в сторону вооруженную охрану Японца и вошла внутрь ресторана. Затем уверенно пошла к кабинету.

Возле закрытых дверей стоял здоровенный детина, вооруженный до зубов, и с такой зверской ухмылкой, что перепугал бы кого угодно. Таня с удивлением опознала бывшего боксера, который при французах успешно выступал на ринге. Затем неудачный удар, кулак противника задел лицевой нерв, и его лицо перекосило самым зверским образом, причем ни один хирург не смог это устранить. Антрепренер обобрал боксера до нитки и вышвырнул на улицу, а когда тот попытался возмущаться, велел своим людям избить его и бросить умирать в каком-нибудь пустынном переулке.

Его подобрала команда Японца, выходили, подняли на ноги. Он стал членом банды и был предан Мишке, как пес. Тот со временем сделал его своим личным охранником, и зверский перекосяк лица использовал в своих целях – бывший боксер пугал всех, кто приближался ближе, чем на несколько шагов.

Таню новый охранник Японца прекрасно знал. Ее не пугало его страшное лицо. Смотреть на него ей было всегда больно. Он был живым воплощением навсегда ушедшего старого мира, оставившего за собой не заживающие, жестокие

раны.

– К Японцу, – коротко бросила она, – он меня ждет.

Охранник кивнул и скрылся за дверью, но почти сразу появился снова и так почтительно распахнул двери, словно перед ним была сама королева. Он действительно уважал Таню.

За столом рядом с Японцем сидел мужчина лет 40-ка, с продолговатым и словно вдавленным внутрь лицом. Бегающие по сторонам глаза выражали хитрость и скрытность. Было в нем что-то очень неприятное, но Таня сразу и не смогла бы сказать что. Ей вдруг показалось, что она его знает. Это ощущение стало очень сильным. Определенно, она уже видела этого человека. Но где и когда, пока не могла понять.

– Знакомься, – Японец подвинул ей стул, – Жорж Белый. Мой новый ротный командир.

Таня кивнула, но улыбаться не стала. Ее отталкивало, с какой цепкостью этот новый ротный командир Японца шарил по ее лицу своими бегающими глазами, словно не смотрел, а снимал фотографический портрет. Тане было неприятно такое внимание, тем более, что она чувствовала – он изучает ее совсем не с добрыми намерениями.

Таня села. Японец подвинул к ней коробку с конфетами, но она не двинулась, никак не отреагировала. Вот уже несколько недель Таня жила словно в выматывающем, выпивающем по капле ее кровь полусне.

– Ничего не узнала? – спросил Японец.

– Нет, – отрицательно качнула головой она.

– У меня для тебя плохие новости, – лицо Мишки было грустным, – в ЧК его нет.

Сразу после убийства Антона Краснопёрова и исчезновения Володи Таня обратилась к Японцу и попросила отыскать след ее пропавшего жениха. Она подозревала одно из двух, и оба варианта были просто ужасны: либо Володю

арестовали за убийство Краснопёрова, и он находится сейчас в застенках ЧК или в тюрьме на Люстдорфской дороге, либо устранили как случайного свидетеля убийства редактора, а труп спрятали так, что его до сих пор не могут найти. Но то, что не могли официальные власти – ЧК или народная милиция, было под силу людям Японца. Именно поэтому Таня сразу о нем вспомнила, и он обещал помочь.

Третий вариант, что Володя попросту от нее сбежал, перепугавшись свадьбы, как уже сбежал не раз до того, Таня не рассматривала. Этот вариант был настолько ужасен, что, если бы он соответствовал правде, она бы попросту не смогла после него жить. Впрочем, доверяя интуиции, которая редко ее подводила, Таня чувствовала, что Володя не поступил бы так никогда, что любовь его была искренней, и он бы никогда в жизни не смог ее предать. Кроме того, интуиция так же подсказывала ей, что Володя находится в беде, что с ним произошло что-то очень плохое, иначе он бы нашел способ, обязательно нашел способ дать знать о себе, послать любую весточку, чтобы не причинять ей такую сильную боль.

У Японца были большие связи в ЧК, и он пообещал узнать, не арестовали ли Володю за убийство Краснопёрова. И Таня возлагала на него очень большие надежды.

За эти несколько недель она вся извелась, перестала есть и спать и похудела так страшно, что Циля была вынуждена временно переехать к Тане, чтобы элементарно заставлять ее есть.

Состояние ее было ужасно. Все представляло в черном свете, все бросало в пропасть чудовищного отчаяния. Ее душу полностью надломил этот страшный переход от счастья к беде, к отчаянию – от светлой надежды. Сердце ее было разбито, а душа кровоточила так сильно, что она уже не могла справиться своими силами. Тане не хотелось жить.

В первые дни Циля не спускала с нее глаз и ухаживала, как за ребенком. Но постепенно состояние Тани стало улучшаться, и Циля смогла вернуться домой. В разбитой душе Тани появились те ростки мужества и борьбы, которые всегда помогали ей выстоять в самых страшных и сложных ситуациях. Они заставляли ее бороться и выживать, когда, казалось, все было потеряно бесповоротно. И вот эти самые ростки дали удивительные всходы, и Таня приняла четкое решение: узнать правду, любым способом понять, что произошло с Володей, найти его,

даже если правда будет ужасна. А когда Таня принимала решение, она выполняла его с твердостью.

Увидев, что к подруге возвращаются силы, Циля вздохнула с огромным облегчением. Она прекрасно ее знала, и по огонькам, которые зажглись в глазах Тани, поняла: она будет жить, она станет бороться. И ничто не свернет ее с этого пути – даже собственная смерть.

И вот теперь Таня сидела перед Японцем и чувствовала, как в ее душе снова появляется боль. Но, подавив отчаяние невероятным усилием воли, она заставила себя слушать внимательно.

– Его нет нигде – ни в ЧК, ни в тюрьме, – повторил Мишка, – нигде не было ни за какого шухера по твоему фраеру. Как в воду запрыгнул. И за убийство Краснопёрова арестованный не был.

– Но кто-то же был арестован? – нахмурилась Таня. – Ведь идет расследование...

– Нихто, – Японец развел руками, – нет за подозреваемых. Подозрения усе выкишнулись, никто и знать не хочет, кто убил, зачем... Пытались версию ограбления редакцию присобачить, так их за смех подняли! Ну шо за гембель можно взять за редакцию, или как? Фасон не сложился, язык за уши не натянули. И висит дело в воздухе, как собачий хвост.

– Я не понимаю... – Тане казалось все это странным. – Убит редактор крупной газеты. Почему это никто не расследует? Почему никто не арестован?

– Спишут на контрреволюцию, – неожиданно подал голос собеседник Японца – так, что Таня вздрогнула, – никто и не станет расследовать это убийство. Им нужно списать все это на происки контрреволюционеров, белых, чтобы оправдать в городе «красный террор». Вот увидите. Может, его вообще за это и убили.

Таня снова вздрогнула. В словах этого человека был смысл, но какой же циничный и жестокий! И тот, кто так плохо отзывался о большевиках, записан в полк Японца? Может, Мишка просто прячет его, как многих других? Но от чего?

Таня нахмурилась и переменяла тему:

– А что насчет безымянных трупов в городе? Находили?

– Все опознаны, – Японец смотрел на нее грустно, – трупов до выше крыши, но без имени – нет. Все опознаны, все шухерные. А вот таких, которые ничейные, – ни одного не нашли.

– Что ты собираешься делать дальше? – спросила Таня больше из вежливости, так как не сильно рассчитывала теперь на его помощь.

– Искать дальше буду. А то как же? – пожал плечами Японец.

– Я не понимаю... – голос ее дрогнул, – но не мог же человек как воздух исчезнуть. Провалиться сквозь землю?

– Мог, – снова вставил реплику собеседник Японца, – теперь люди исчезают именно так.

– Но их же находят? – Таня не пыталась скрыть звучащую в ее голосе злость.

– Нет, никогда, – странный тип испытующе смотрел на Таню. – А вы действительно хотите его найти?

– Ладно тебе шухерить! – прикрикнул на него Японец. – Тоже мне фраер, уши выше крыши! За какие такие дела ты там знаешь! Человек не иголка, курям не скормишь! В любом разе правда вылезет наружу!

Собеседник Японца встал и, сделав Тане ручкой, совсем по-дореволюционному щелкнув каблуками, вышел в общий зал.

– Кто это такой? – спросила Таня. – До каких дел ты его держишь?

– А контрреволюционер, – усмехнулся Японец, – надо. Он до меня шпионом работает, стучит и на белых, и на красных. Я его прикрыл кое в чем, так теперь он за меня. Не думай за это.

Таня поняла, что у Японца есть какие-то тайные, темные дела, о которых он совершенно не хочет говорить. Быстро распрощавшись, она пошла в Володину редакцию.

Друг Сосновского, журналист с Госпитальной, был на месте. Таня попросила его собрать информацию об этом Жорже Белом, и на следующий же вечер, явившись на назначенную ею встречу, он принес то, что узнал.

– Жорж Белый – анархист и контрреволюционер, – начал журналист, – в апреле 1919 года, как только в Одессу вошли красные, организовал террористический отряд для борьбы против большевиков. Боевики этого отряда совершили ряд покушений на местных большевистских руководителей – в частности, неудачное покушение на Соколовскую. Когда в мае некоторые части одесского гарнизона пытались поднять восстание против большевиков, Белый был там. Ты знаешь, что восстание полностью подавили люди Японца? Мишка возненавидел восставших за то, что они симпатизировали Григорьеву, пытались вернуть его в город и призывали к еврейским погромам. Есть мнение, что именно Белый настучал Мишке на восставших и помог их раздавить. Это шпион. Если ты связана с ним по каким-то делам – будь осторожна! Ему нельзя верить. Новости есть?

Журналист спрашивал о Володе. Таня ответила, что новостей никаких, и поспешила поскорей распрощаться. Она боялась, что он снова заговорит о Володе, а она не смогла бы перенести долгий разговор.

И только по дороге к дому в Каретном переулке Таня внезапно вспомнила, где видела Жоржа Белого: на балу у губернатора, когда она изображала для Японца баронессу фон Грир. Он тоже там был, Таня видела его. Только там, на балу, на нем была французская офицерская форма...

Глава 6

В греческой кофейне. Башмачник Азиз. Новый глава ЧК Станислав Реденс.
Портовый притон. Румынская монета

Воздух, терпкий и спертый, был наполнен резким ароматом хорошо прожаренного кофе. Внутри подвала было темно. Его освещали лишь масляные плашки по углам, едва бросавшие тусклые, словно размазанные лучи света на лица посетителей. Очевидно, в целях экономии хозяин не провел электричество и особенно оттого не страдал. Электричество во всей Одессе работало плохо, лампы гасли на сутки или горели в полнакала. Горожане поневоле были вынуждены запасаться свечами, керосином и такими вот масляными плашками, горевшими на дешевом животном жире.

По вросшим в землю ступенькам, пахнувшим сыростью (их тяжелый запах не мог заглушить даже терпкий аромат кофе), Таня спустилась вниз и остановилась, прищурившись, пытаясь разглядеть лица посетителей кофейни. Здесь ей еще не доводилось бывать, хотя наслышана она была об этом месте немало – в основном от своих людей, которые сбывали здесь фальшивые деньги, случайно попадавшие в налетах.

Нескольких фальшивомонетчиков Таня даже знала в лицо. Это был суровый мир. Японец с трудом, путем больших жертв, подмял его под себя, но все равно не покорила полностью. Часто фальшивомонетки работали напрямую с иностранными моряками, на чьих судах тайком перевозилось сырье, и с контрабандистами, сплавлявшими партии фальшивых денег в разные регионы.

Несмотря на явную криминальную направленность этого дела, составлявшего часть одесского криминального мира, фальшивомонетчикам нравилось считать себя контрабандистами и даже моряками и говорить, что их профессия напрямую связана с морем. Отчасти так и было на самом деле, потому места их встреч были связаны с портом.

Самым известным считалась греческая кофейня внизу Дерибасовской, на углу пересечения ее с Польской, откуда был вход прямо в порт, в район Таможенной площади.

Таня вглядывалась в лица сидящих внутри. Большинство были ей не знакомы, а еще часть, ютившуюся в самых темных углах, она не могла рассмотреть. Это был важный для нее визит – Таня во что бы то ни стало по своим каналам решила

отыскать автора той записки, которую получил Володя, и узнать подробности их встречи. А также, если повезет, о чем он собирался говорить.

Она была твердо уверена, что этого человека хорошо знают в греческой кофейне – случайный, посторонний посетитель ни за что не выбрал бы для встречи такое место. Значит, был шанс найти его именно здесь.

– Алмазная! – Перед Таней вырос огромный детина с рыжей взлохмаченной бородой, в косоворотке навывпуск, по-модному прошитой полосками черной кожи. – Алмазная, лопни мои глазелки, шоб я так радовался, как за это вижу!

– Здорово, Чекан, – это был один из знакомых Тане самых известных фальшивомонетчиков, носивший свою кличку под стать профессии.

– Шо ты забыла за наши края? – Лицо Чекана совсем не соответствовало тому, что он сказал, и было недружелюбным, хмурым, и явно не предвещало ничего хорошего. – Или Японец за нас шерстить вздумал? Так мы ему тут не рады!

Разговоры в кофейне смолкли, и все посетители внимательно прислушивались к ним.

– Японец ни при чем, – угрюмо мотнула головой Таня, – нет никакого дела Японцу за ваш шухер. Я за себя, за свои дела пришла.

– Наше вам здрасьте с кисточкой! – еще больше нахмурился Чекан. – А ты за какие такие дела сюда пришла?

– Расскажу, если замолкнешь, – усмехнулась Таня, – не за Японца – за меня.

– Оно вроде как понятно, шо за тебя, – ответил Чекан, – а вдруг как Японец зашухерить надумал? Он теперь за свой грандиозный шухер поперек всему городу як халабуда на тухесе, шо твой чирей за ушами! Нам тут его как раз и не хватало, шоб он был здоров.

– Да задвинь ты Японца за заднюю сторону и сюда слушай, – уже раздраженно фыркнула Таня и снова повторила: – не за него я сюда пришла. За себя!

– Ну, коли так, – Чекан смотрел на нее все еще настороженно, словно и не знал, чего ожидать, – идем, перетрем. Расскажешь, чего и за как.

Тане не понравилось, что Чекан принялся строить из себя главного. Она предпочла бы поговорить с хозяином кофейни, толстым греком, который опасливо поглядывал на них из-за стойки. Но выхода у нее не было. Идти на конфликт было опасно – Таня сразу поняла, что местные бандиты настроены отрицательно по отношению к Японцу и боятся, что перед отправкой на фронт он попытается еще больше захватить их бизнес. В этом свете все здесь воспринимают Таню как вражеского шпиона. Стоит ей неправильно повести разговор, и дверь захлопнется, никакой информации из кофейни она не получит. А потому Таня пошла следом за Чеканом к дальнему столику в самом темном углу и спокойно села напротив.

– Ну, говори, за что пришла, – начал Чекан.

Толстый грек поставил перед Таней чашку с дымящимся кофе и блюдце с печеньем и, пятась, поспешил убраться назад, к стойке, явно не желая быть свидетелем опасного разговора. Кофе был великолепным – Таня его попробовала и мимо воли подумала, что такой ей дома не сварить никогда. Нервничая и теряя терпение, Чекан принялся постукивать по столу пальцами, недобро глядя на держащую чашку Таню. Она же тянула паузу изо всех сил и мелкими глотками попивала кофе.

Когда Чекан уже покраснел от злости, Таня достала из сумочки записку.

– Одного человека ищу. Здесь бывает часто. Позарез мне надо его найти, – Таня протянула записку Чекану. – Вот, что за то скажешь?

С виду это была та самая записка, которую получил Володя: Таня переписала ее по памяти слово в слово, немного изменив почерк, решив, что почерк мало что скажет бандитам, собиравшимся в кофейне, или, наоборот, скажет все, если кто-то узнает автора записки и определит, что это не его рука.

В отличие от большинства одесских бандитов, Чекан был грамотным – создавать фальшивые деньги было настоящим искусством, занимались этим люди чаще всего грамотные, образованные. Так, про Чекана поговаривали, что когда-то давно он служил в банке, подделал подпись на векселе, чтобы получить деньги,

и загремел на каторгу за подлог.

Он внимательно прочитал записку от слова до слова, и лицо его стало менее напряженным, а больше задумчивым, видно было, что он обдумывает прочитанное.

– Имя знакомое, – Чекан оторвался от записки, – и человек сюда вхож, если за встречу назначил здесь. Но не из наших, это точно. А кому написал?

– Моему другу. Он отправился на эту встречу и исчез. Больше не вернулся.

– Вот те раз! – присвистнул Чекан. – За когда цей финт ушами было?

– Больше двух недель назад.

Он снова задумался и еще раз перечитал записку.

– А я помню за тот вечер, я был здесь. Но вроде ничего особенного не происходило. А ну-ка опиши своего друга – ну блондин, брунет, лысый...

Таня описала Володю в подробностях.

– Был такой, – согласно кивнул Чекан, – сел вон за тот столик посередине, за самый центр, шоб у всех на виду торчать. Наши с опаской на него поглядывались. Покумекали, шо шпик, да за шпика было вроде как не похоже. Долго сидел, один. Кофе пил. Как раз дождь хлынул. Я за улицу вышел, посмотреть. Он ушел аккурат за после дождя, ночью.

– И никто не сел за его столик? – Таня даже не верила в такую удачу, как память Чекана.

– Никто, – он покачал головой, – я за ту ночь важного кореша ждал, и забоялся поначалу, шо этот шпик, так смотрел за него внимательно. Но за шпика не был похож, не тот фасон. Нет, за кого-то ждал, а тот не пришел. Теперь вот кумекаю, за кого...

– Знаешь его, – Таня указала пальцем на подпись, – имя слышал?

– Вроде слышал, но в лицо не помню. Имя на слуху залетало, да выскакивало за быстро. Здеся слышал. Говорили за него шо-то. Не помню, кто говорил.

– Постарайся вспомнить, – настаивала Таня, – это очень важно.

– Погодь, – Чекан встал из-за столика и направился к толстому греку, хозяину кофейни. Таня затаила дыхание.

Говорили они долго. Грек энергично размахивал руками, словно от чего-то открещиваясь. Таня уже потеряла терпение, как вдруг Чекан вернулся к столику.

– Знает хозяин за этого типа, – он выглядел довольным, – писатель, говорит. В газетах писал раньше.

– Точно, – кивнула Таня, пока все сходилось.

– Раньше писал, – Чекан заговорщицки понизил голос, – а теперь за царскую охранку работает. Царский белый шпион.

Это был крутой поворот, хотя Таня и ждала чего-то подобного.

– Откуда хозяин знает, что шпион? – прямо спросила она.

– Так тот с другими шпионами здеся встречался, значит, сам такой же, – пожал плечами Чекан, – грек всех в лицо знает. Должность такая, служба, за уши разговоры наматывать.

– И давно он сюда ходил?

– Не, пару раз всего был. А вот после друга твоего пропал. Не появлялся здесь больше. Так сказал хозяин.

– Значит, больше двух недель, – Таня задумалась. – А с кем встречался, с кем говорил, кто его искал?

– Да никто его не искал, – Чекан пожал плечами, – хозяин сказал, никто не спрашивал. Как исчез – так сквозь землю, и делов...

– А как найти того, с кем писатель говорил? – нашлась Таня.

– Это денег будет стоить, – прищурился Чекан.

– За деньги так за деньги. Скажи хозяину.

Чекан вновь направился к стойке. В этот раз разговор был более коротким. Грек живо сграбастал деньги, полученные от Тани, и что-то быстро заговорил.

– Есть тут одна дыра поблизости, – вернулся за столик Чекан, – так, ночлежка, для свинот понастроено. Но шпион, шо писатель с ним говорил, комнату снимал. Люди видели за то, как через туда приходил, значит, жил там.

– Ты знаешь его имя? – оживилась Таня.

– Хозяин говорит, турок он, в порту работает, кличут Башмачник Азиз.

– Почему Башмачник? – удивилась она.

– Башмаки ремонтирует. Подработка такая. Говорит, убитые до новых так допустит, шо и не отличишь! Старый он, под 60 будет. Низкорослый, руки в мозолях, а ноги кривые. И вроде, офицером в царской армии служил.

– Турок? В царской армии? – подозрительно спросила Таня.

– Ну так а шо? То давно было, до войны. Вот, грек адрес написал, – Чекан протянул Тане записку. На грязноватой, покрытой жирными пятнами бумаге было написано корявыми буквами «Комнаты Падкова». И название переулка – за Таможенной площадью.

– Там этот Азиз живет, – сказал Чекан, – он с писакой тем часто разговаривал за здесь, как свои встречались. Грек так сказал.

Шпионские игры... Тане страшно не понравилось услышанное. Во что пытался втянуть Володю этот человек? Чекан словно прочитал ее мысли.

– Пахнет тут плохо, – поморщился он, – если белый шпион замешан, крышка твоему другу. Либо пришили, либо того, на цугундере вже... И не достать...

– Нет его ни там, ни там... – Таня покачала головой.

– А ты проверь, – Чекан прищурился, – знаешь, как большевики людей прячут? Ни за что не найдешь! И, слышь, того, ты ночью в дыру ту ночлежную не ходи. За милую душу пришьют.

Таня с наслаждением выбралась на свежий воздух, зажав в ладони драгоценный адрес Башмачника Азиза. В ушах ее все еще стояли прощальные слова Чекана о том, как прячут людей большевики.

Но Японец сказал, что в ЧК Володи не было, а ему можно было верить. У Тани были основания прислушаться к этим словам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lobusova_irina/podzemel-e-prizrakov-akkermana

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)